

РОКСОЛАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Настоящий выпуск «Материалов по археологии Северного Причерноморья» посвящен археологическим исследованиям в Нижнем Поднестровье. Основное место в сборнике отведено результатам исследований Роксоланского городища. Археологические раскопки, проводимые под руководством М. С. Синицына, дали интереснейшие материалы по истории нашего края в античную эпоху.

В сборнике отражены также исследования памятников более древних эпох (палеолит, мезолит, бронза) и древних поселений скифского времени у с. Пивденное и с. Надлиманское.

Сборник рассчитан на археологов, историков, учителей, студентов вузов, работников музеев и краеведов-любителей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Б. КЛЕЙМАН, Е. Ф. ПАТОВА, М. С. СИНИЦЫН (ответственный редактор),
В. Н. СТАНКО (ответственный секретарь), И. Т. ЧЕРНЯКОВ.

Печатается по постановлению научно-методического совета Одесского государственного археологического музея.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ВОЗЛЕ с. РОКСОЛАНЫ БЕЛЯЕВСКОГО РАЙОНА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ В 1957—1961 гг.

М. С. СИНИЦЫН

В продолжение пяти раскопочных кампаний экспедиции Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова и Одесского археологического музея произвели археологические исследования городища у с. Роксоланы на восточном берегу Днестровского лимана. Экспедиции вскрыли площадь свыше 1000 м², обнаружили строительные остатки, разного рода группы древних предметов и археологические комплексы, которые представляют немалый интерес для археологов. Но прежде, чем приступить к их описанию, необходимо сделать несколько замечаний общего характера.

Древнее городище расположено метрах в 100 северо-западнее современного с. Роксоланы, на высоком равнинном плато, прилегающем с востока к Днестровскому лиману. Этот широкий и неглубокий лиман в древности славился рыбными богатствами¹. В северной его части и в Днестровских плавнях в древности гнездились дикие водоплавающие птицы, здесь же водились промысловые звери². Малогумусные черноземы равнинного надлиманного плато в годы с достаточным количеством осадков давали хорошие урожаи зерновых культур, главным образом пшеницы, в засеянных местах. В незасеянных местах в такие годы произрастали сочные степные травы — прекрасный корм для домашнего скота. В многочисленных лиманах и соленых озерах Северо-Западного Причерноморья добывали в изобилии соль не только в недалеком прошлом, но, вероятно, и в эпоху греческой колонизации, что засвидетельствовано Геродотом. Отмеченные факторы были предпосылкой для сравнительно густой заселенности побережья Днестровского лимана в эпоху античной колонизации. Сказанное подтверждается многочисленными поселениями и городищами, зафиксированными в археологической литературе³, и личными наблюдениями. В основном они относятся к IV—III вв. до н. э. либо к началу н. э., и только некоторые городища существовали с VI в. до н. э. и по III—IV вв. н. э. Все поселения и городища Днестровского лимана, относящиеся ко времени античной колонизации, носят следы греческой или римской культуры.

Все древние авторы классической поры, за исключением Геродота,

¹ SC., I, 188, 286.

² А. Мейер. Описание Очаковской земли. 1794. стр. 119.

³ И. Т. Черняков. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана, ЗОАО. т. 1 (34), стр. 209—218.

не сохранили никаких сведений о племенах, обитавших на побережье Днестровского лимана и Нижнего Днестра. Геродот указывает на живших в этих местах эллинов-тиритов⁴. Другие обитатели в этих местах ему неизвестны. Более разнообразные сведения об этом крае оставили писатели эллинистической и римской поры. Они довольно подробно описывают богатства края и называют ряд конкретных населенных пунктов. Им известны города в этих местах: Тира, Никоний, Фиска и Офиуса, а также деревня Гермонасса и башня Неоптолема⁵.

Как уже отмечалось, поздним античным авторам известно было, что река Днестр богата рыбой и безопасна для судоходства, а на ее берегах находятся хорошие пастбища. Но древние авторы не упоминают о больших урожаях хлебов в этих местах, однако обильные урожаи хлебов в местах, прилегающих к Днестровскому лиману, свидетельствуются многочисленными зерновыми ямами, а также распространенностью обнаруженных раскопками на городищах возле сел Роксоланы и Надлиманского разного рода орудий труда для размол зерна и железных серпов. О других сельскохозяйственных культурах (садово-огородных) пока что прямые сведения отсутствуют, но на основании аналогий с Ольвией и древнегреческими городами Крыма допустимо предположение о распространении в этих местах садоводства и виноградарства. В какой-то мере занятие виноградарством древних жителей городища подтверждается многократными находками косточек винограда.

На территории, прилегающей к Днестровскому лиману, в настоящее время строительный лес отсутствует. Вероятно, так же было и в древности. Деревья, произрастающие в плавнях Днестра и балках, как ольха, верба, тополь и терновник, мало пригодны для строительного дела. Выходы на поверхность и мелкое залегание понтийского известняка — обычного строительного материала в Северном Причерноморье — на восточном побережье Днестровского лимана неизвестны. В настоящее время его добывают только на западном берегу. Современное население восточного берега лимана высоко ценит камень как строительный материал и использует его только для сооружения фундаментов, а стены обычно строят из глины.

Многочисленные археологические находки побережья Днестровского лимана привлекали внимание с конца XVIII столетия⁶. Полковник де Волан в своем атласе отметил несколько древних городищ на восточном берегу Днестровского лимана, ошибочно считая некоторые из них татарскими укреплениями.

Отдельные археологические находки с побережья Днестровского лимана, иногда очень интересные, известны были одесским археологам XIX столетия И. А. Стемпковскому, Н. Н. Мурзакевичу, В. Н. Юргевичу, Ф. К. Бруну и др. Подтверждением сказанному может служить изваяние из известняка римского военачальника, а возможно и императора Адриана, хранящееся в фондах Одесского археологического музея. Восточный берег Днестровского лимана с целью фиксации археологических памятников осматривался многими русскими археологами XIX—

⁴ Her, IV, 51.

⁵ М. С. Синицин. Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами, між гирлами П. Бугу і Дністра. МАПП, III, стр. 18—23.

⁶ В. Н. Ястребов. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии, ЗООИД, т. XVII, стр. 123; М. С. Синицин. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і Південного Бугу скіфсько-сарматського часу НЗОПІ, т. X, 1955.

XX столетий⁷. До Великой Отечественной войны раскопки в этих местах почти не производились. В конце XIX столетия в степи (восточнее Днестровского лимана) И. К. Суручан производил раскопки курганов. На запад от Днестровского лимана раскопаны несколько курганов Д. Я. Самоквасовым и Ф. И. Кнауэром. В первой половине XX века в ограниченных масштабах производились раскопки древней Тиры одесским археологом Э. Р. Штерном, во время румынской оккупации Бессарабии — археологами Румынии.

Сравнительно слабая изученность археологических памятников побережья Днестровского лимана обусловлена рядом причин: прежде всего, исследовательская деятельность археологов, в том числе и работавших в Одессе, сосредоточивалась в более восточных местах. Они изучали древние города Ольвию, Херсонес, Пантикапей. Ими было изучено большое количество малых городов и поселений. Кроме того, на протяжении многих лет (1794—1811 и 1919—1940 гг.) по Днестровскому лиману проходила государственная граница, что не благоприятствовало полевым археологическим исследованиям в этих местах.

В 1940 г., после воссоединения Бессарабии с Советским Союзом, археологи приступили к исследованию памятников побережья Днестровского лимана (древней Тиры). Нападение фашистской Германии на нашу страну прервало их, после разгрома фашистской Германии начались планомерные раскопки археологических памятников, в первую очередь Тиры. Другие археологические памятники побережья Днестровского лимана, известные в литературе, были только осмотрены. Интенсивные археологические исследования в этих местах начались с 1957 г. Они проводились: Институтом археологии АН СССР, Институтом археологии АН УССР, Одесским государственным университетом им. И. И. Мечникова и Одесским государственным археологическим музеем. При этом Институт археологии АН СССР и Институт археологии АН УССР сосредоточили свое внимание на раскопках Тиры. Одесский государственный археологический музей направил свое внимание на изучение археологических памятников Днестровского лимана в целом⁸.

Маршрутными разведывательными группами (Е. Ф. Яровая, И. Б. Клейман, И. Т. Черняков, Г. А. Дзис-Райко) осмотрены не только берега лимана, но и балки, впадающие в него, а также побережье моря западнее и восточнее устья лимана. Осмотром установлено, что некоторые древние поселения, городища и могильники, как ранее известные, так и впервые обнаруженные, сильно разрушены хозяйственной деятельностью современного населения. Для примера достаточно назвать поселения у с. Молога на территории совхоза и у с. Затока (быв. Каралино-Бугаз), а также могильник Роксоланского городища. На некоторых поселениях и городищах производились раскопки. На поселении, расположенном южнее с. Пивденное, севернее г. Белгород-Днестровского (на западном берегу Днестровского лимана), на протяжении трех кампаний проводил раскопки А. Г. Сальников. На городище, находящемся у с. Надлиманского, севернее г. Овидиополя (на восточном берегу Кара-

⁷ А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России, вып. II, стр. 151. В. И. Гошкевич. Записка об археологических исследованиях в Херсонской губернии. Древности, т. XXII, стр. 180, 181; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, Киев, 1951, стр. 11—14; И. Т. Черняков, Археологические разведки берегов Днестровского лимана, ЗОАО, т. 1, (34), стр. 209—218.

⁸ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев, 1951, стр. 11—13.

гольского залива Днестровского лимана) в продолжение двух кампаний производила раскопки Г. А. Дзис-Райко. Но в центре внимания одесских археологов находилось в последние годы городище, расположенное возле с. Роксоланы (с. Бузиноватое у авторов XIX столетия).

Названное выше городище, хорошо известное в отечественной археологической литературе⁹, интенсивно использовалось местным населением, которое в продолжение XIX и начала XX столетий, разрушая здесь древние сооружения, добывало строительный камень для своих нужд. Из камня, добытого на городище, сооружали фундаменты построек, а иногда и целые постройки, как это сделал в середине XIX века помещик Малаховский¹⁰. Монеты, изделия художественного ремесла и другие предметы древности жителями с. Роксоланы настойчиво разыскивались на городище и в местах, прилегающих к нему с юга, а главным образом с востока (территории некрополя), для продажи одесским любителям древностей¹¹. Простую гончарную посуду, а особенно целые амфоры, как предметы, низко ценимые на рынке, обычно использовали в быту, что приходилось не раз наблюдать и в настоящее время участникам раскопок на Роксоланском городище. Лепную и фрагментированную гончарную глиняную посуду просто выбрасывали.

Современное население с. Роксоланы и сел, расположенных близко к нему, упорно считает городище возле с. Роксоланы остатками древнего города, который назывался Суклеей. Существование этого города они связывают с временами турецкого господства в этих местах. Многократные осмотры территории современного с. Роксоланы и его окрестностей позволяют уверенно утверждать, что поселений в этих местах во время турецко-татарского владычества не существовало. В это время было значительное поселение на территории г. Овидиополя, возле пристани. На Нижнем Днестре, в МССР, на территории современного с. Суклея нашей археологической разведкой обнаружены памятники разных эпох, среди которых имеются и остатки небольшого позднего средневекового городища. Рассказ о древнем городе Суклее, расположенном возле с. Роксоланы, нам довелось слышать много раз и при том не только от жителей с. Роксоланы, но и от жителей г. Овидиополя и с. Николаевки.

Современные обитатели с. Роксоланы, ссылаясь на рассказы своих предков, поселившихся здесь (возле Бузиноватой балки) в начале XIX столетия, показывают в северо-западной части городища место, где их предки якобы видели хорошо вымощенный камнем спуск из городища к лиману. У некоторых рассказчиков вместо спуска фигурирует каменная лестница. Роксоланские старожилы-рыбаки показывают в лимане, метрах в 75 от современного берега место, где они, их отцы и деды видели вымостку из крупных, тесаных и хорошо уложенных каменных плит. Вымостка (возможно остатки древней пристани), расположенная параллельно береговой линии лимана, просматривается под водой в тихую ясную погоду, в периоды, когда уровень воды в лимане бывает низкий и вода спокойная. Плиты, наблюдаемые под водой, можно считать и естественными выходами известняка.

⁹ П. В. Беккер. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена. ЗООИД, т. III, стр. 174—182.

¹⁰ Протоколы Одесского общества истории и древностей. Протокол 26.

¹¹ Летопись музея за 1909, 1910 и 1911 гг. Херсон, 1912 г., стр. 22—24; В. И. Гошкевич. Записка об археологических исследованиях в Херсонской губ. Древности, т. XX, вып. 1, стр. 131.

■ Существование в прошлом спуска (лестницы) из городища к лиману теперь никаким образом проверить нельзя. Наличие же в настоящее время остатков древней пристани подтверждается, главным образом, в результате некоторых подводных работ. Илистое дно и чрезвычайно мутная вода Днестровского лимана почти полностью парализовали усилия по осмотру дна с использованием подводного спортивного инвентаря. Пользуясь железным стержнем-щупом, нам удалось установить, что часть лимана, прилегающая к городищу (полосой метров в 50—75 шириной), с максимальной глубиной в 1,25—1,50 м имеет илистое дно, насыщенное культурными остатками. Среди культурных остатков, содержащихся в иле, господствующее место занимают обломки гончарной посуды хорошего обжига. Там же попадаются необработанные и обработанные камни. В том месте, на которое местные рыбаки показывают как на место расположения древней пристани, найдены крупные блоки, производящие впечатление обработанных. В отдельных местах встречаются площадки, в которых можно предположить остатки искусственных сооружений, но скорее всего, в данном случае, имеем дело с выходами известняка. Эти площадки расположены на границе между мелководьем и сравнительно глубокими местами, по которым проходит современный фарватер.

Ранней весной, когда земля еще не покрылась растительностью и не распустились виноградные лозы, на винограднике (восточнее городища) отчетливо заметны две ложбины. Они начинаются непосредственно за балкой, ограничивающей городище с востока, почти в одном месте, а потом постепенно расходятся. Одна из них от городища тянется на северо-восток, а другая — на юго-восток. Обе эти ложбины, удаляясь от городища, постепенно теряются вдаль на равнинном плато. Трактористы рассказывают, что, во время подготовки почвы под виноградник ими в начале ложбины, идущей от городища на северо-восток, плантажным плугом на глубине около 0,70 м от современной поверхности была раскрыта вымостка. Эта вымостка, шириной около 3 м, прослежена была трактористами на протяжении 15—20 м. Направление ее точно совпадало с направлением ложбины, идущей на северо-восток. Ложбины, тянущиеся от городища, по равнинному плато, вероятно представляют собой следы древних дорог, связывавших город со степью, из которых одна — возле города, по крайней мере, была вымощена камнем.

На плато, юго-восточнее городища, в 1957 г., во время подготовки почвы под виноградник, плантажным плугом разрушен был ряд древних погребений. Одно из них было исследовано во время работ археологической экспедиции на городище. Плантажный плуг, взрыхляя почву на глубину до 0,80 м, вывернул на поверхность раздавленные человеческие кости в том числе и фрагменты черепной коробки и обломки свежеразбитой узкогорлой амфоры. Эти факты, замеченные участниками археологической экспедиции, заставили провести в этом месте зачистку, которой была обнаружена часть разрушенного кромлеха, сделанного из сравнительно хорошо подобранных необработанных камней, поставленных на ребро. Некоторые кости скелета, судя по их положению, можно думать, остались несдвинутыми с места, что позволяет высказать некоторые предположения о положении костяка. Костяк был скорченым, лежал на правом боку, ориентированным головой на восток. Представление о времени захоронения дают обломки узкогорлой, с реберчатыми ручками, остродонной амфоры. Эта амфора, раздавлен-

ная плантажным плугом, частично была выброшена на поверхность (верхняя часть). Нижняя часть, хотя и сдвинутая с места, находилась на дне бороздки, рядом с гнездом, из которого вытащил ее плуг.

Описанное погребение находилось в юго-западной части большой площади, покрытой пятнами. В. И. Гошкевич в 1910 году в этих местах видел курганы различной высоты и «между ними как-будто улица»¹². На всей этой территории на поверхности часто встречаются древние кости, среди которых попадаются отдельные человеческие, а также многочисленные обломки античной керамической посуды и отдельные целые чернолаковые сосуды. В 1960 году во время прополки виноградника был обнаружен совершенно целый чернолаковый эллинистический лекиф, который теперь находится в фондах Одесского археологического музея. Эта территория безусловно является разрушенным некрополем. Светлые пятна этой площади легко объяснимы как следы курганов, виденные в конце XIX и начале XX столетий В. И. Гошкевичем.

В юго-западной части площади, покрытой светлыми пятнами, юго-западнее описанного погребения, сохранился сильно распаханный курган. Высота его приближается к 1,5 м, а диаметр к 40 м. Отдельные светлые пятна встречаются в усадьбах колхозников на северо-западной окраине с. Роксоланы. Жители этой части села во время земляных хозяйственных работ иногда находят кости человека, целые или раздавленные амфоры, чернолаковые и иные сосуды. В сосудах, главным образом в амфорах, в отдельных случаях находили золу и пережженные человеческие кости.

Северо-восточнее, километрах в 2-х от городища, на винограднике находится еще один хорошо сохранившийся курган. Он виден с городища и со стороны дороги Овидиополь — с. Роксоланы. Возле кургана светлые пятна отсутствуют, а поэтому его трудно связать с некрополем изучаемого городища.

Следы деятельности человека, синхронные жизни на городище, отчетливо прослеживаются к югу от него вдоль лимана, до усадьбы современной роксоланской больницы. Но ни в одном месте здесь не обнаружено сплошного культурного слоя. Есть только не связанные между собой культурные пятна. Севернее городища, в прибрежной полосе, культурные пятна не отмечены, хотя изолированные обломки глиняной посуды обычны и в этих местах.

Городище, как уже отмечалось, расположено на плато, возвышающемся над Днестровским лиманом, которое, постепенно повышаясь к востоку, сливается с распаханными степными просторами. С запада оно ограничено изрезанным обрывистым берегом лимана, который весьма интенсивно разрушается, что уже давно отмечалось в археологической литературе¹³. За последние 50 лет береговая линия в средней части разрушена местами на 35 м. В этом нетрудно убедиться, сопоставив план (издание В. И. Гошкевича)¹⁴, с планом, приложенным к данной работе (рис. 1). План В. И. Гошкевича составлен в 1910 году, а наш через пятьдесят лет, в 1960 году. Минимальными были разрушения в северо-западной и юго-западной части городища. Разрушение береговой линии, а значит и западной части городища, обусловлено не только подмыванием лиманной водой, осадками, но и действием

¹² ИАК. Вып. 39, стр. 153.

¹³ Летопись музея за 1909, 1910, и 1911 гг. Херсон, 1912 г., стр. 23.

¹⁴ Там же, стр. 22.

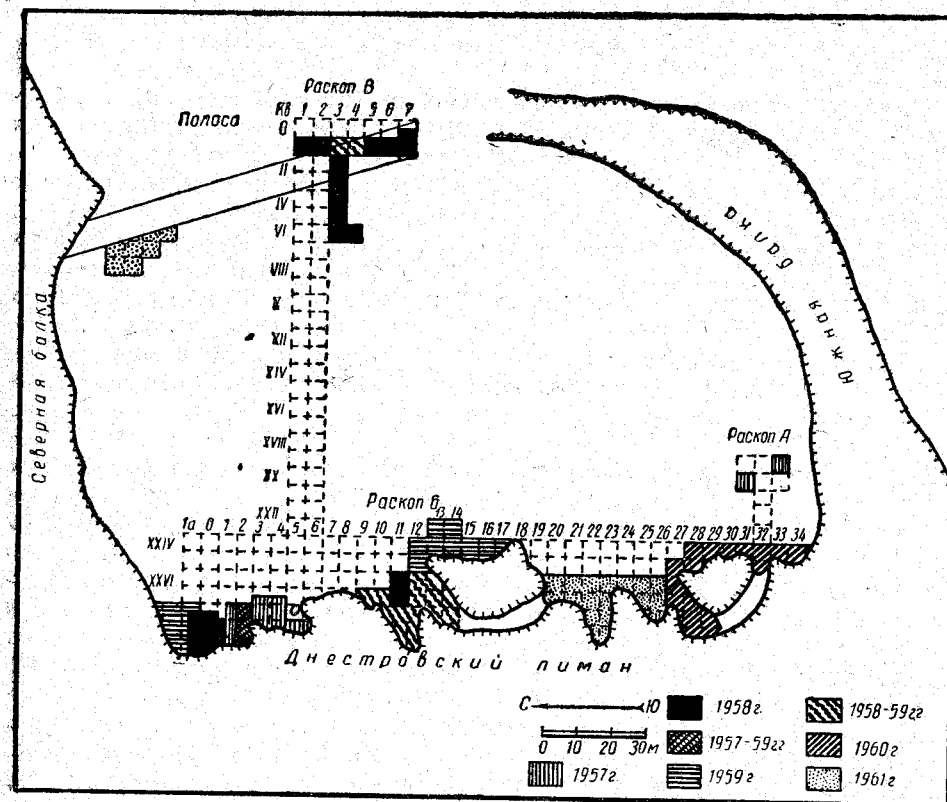

Рис. 1

подземных вод. Посетителям городища приходилось наблюдать в надлиманной его части в грунте расщелины до 20 см и глубиной до 15 м. Глыбы, иногда до 3 м в диаметре, отколовшись от материка, оседают, сползают и сваливаются в лиман, другие готовы рухнуть в лиман, иногда свисают над ним.

Роксоланское городище, площадью в 3,8 га, с востока ограничено незначительной пологой ложбиной, тянущейся с юга на север, с некоторым отклонением в северной части к западу, а в южной — к востоку. Эта ложбина северным концом упирается в балку, ограничивающую городище с северной стороны, а южный ее конец (сильно размытый) резко расширяется и углубляется. В этом месте ложбина поворачивает на запад и становится широкой балкой с обрывистыми склонами, впадающей с востока в Днестровский лиман.

Ложбина, ограничивающая городище с востока, имеет неодинаковые склоны. С напольной стороны склон сравнительно пологий, а прилегающий к городищу — довольно крутой. Последний от городища отделен припухлостью, которая простирается параллельно ложбине. На припухлости заметны три повышения. Самое высокое из них на южном ее конце. В северном конце к припухлости со стороны городища примыкает значительная высотка, круглая в плане. Припухлость, ограничивающая склон ложбины от городища, чуть севернее срединной части, еле заметна. Против низкой части выпуклости за ложбиной, ограничивающей

городище с востока, на равнинном плато находятся сближающиеся между собой, ранее описанные впадины — предполагаемые следы древних дорог.

Как уже отмечалось, ложбина, ограничивающая городище с востока, в южной части размыта. Водомоина вначале, как бы продолжая ложбину, направлена на юг, а далее, углубившись и расширившись, поворачивает на запад. Склоны ее в этой части высоки и круты, а в устье обрывисты. Водомоина, повернув на запад, стала глубокой балкой, по южной стороне которой прорезана современная дорога, связывающая лиман со степью. На дне балки и на ее склонах встречается большое количество обломков глиняной посуды, главным образом разбитых амфор.

Балка, ограничивающая городище с севера, сравнительно с балкой, ограничивающей его с юга, шире и длиннее. Склоны ее устья настолько обрывисты, что по ним наверх не могут взбираться не только люди, но и козы. Обрывистая северная балка, миновав городище, становится относительно пологой и тянется на восток еще метров на сто. На ее дне изредка встречаются обломки амфор и другой глиняной посуды, а также отдельные камни, среди которых попадаются экземпляры со следами тески.

Городище находится на ровной слегка наклонной к лиману местности. Вся его территория покрыта параллельными различной ширины полосами, тянущимися с востока на запад. Полосы отделены одна от другой (в отдельных случаях значительными, а обычно еле уловимыми) горбиками. Происхождение полос и разграничивающих их горбиков на поверхности городища легко объяснимо. До 1917 г. территория городища принадлежала крестьянам с. Роксоланы и разделена была на полосы, занятые индивидуальными виноградниками, либо другими сельскохозяйственными культурами. Почва под виноградники обычно взрыхлялась на значительную глубину (60—80 см). Обработывая свои полосы, крестьяне находили многочисленные обломки керамических изделий, камни, кости и др., засорявшие почву и мешавшие их работе. Камни, пригодные для строительства, подбирались и увозились на усадьбы, а черепки, кости, мелкие камни и др. выбрасывались на межи полос¹⁵.

Это делалось на протяжении ряда лет. Обычно более широкие полосы разграничены и более значительными горбиками.

Вдоль надлиманного обрыва, по всему городищу, проходят заплывшие окопы и ходы сообщений времени Великой Отечественной войны. В юго-западной части городища находится сильно заплывшая и задерненная яма. По рассказам местных жителей, в том числе и бывшего владельца этой полосы, здесь во время пахоты под тяжестью волов земля осела. Производившие вспашку (брат и сестра), надеясь найти клад, произвели раскопки и обнаружили каменное строение (подвал), в котором, кроме разбитых амфор, больше ничего не было. В юго-восточном углу городища, на самом высоком месте, сохранились остатки котлована. В заплывшем борту котлована выступают камни древней кладки¹⁵.

Выше отмечалось интенсивное разрушение городища в западной части, т. е. со стороны Днестровского лимана. Этим и объясняется тот

¹⁵ М. С. Синицын. Раскопки Роксоланского и Надлиманского городищ в 1957—1958 гг. ЗОАО, т. I (34), стр. 199.

факт, что в 1957—1961 гг. раскопки, в основном, велись в западной части, а в восточной носили разведывательный характер.

Хотя раскопки производились только в западной и частично в восточной частях городища, разбивка его на квадраты (5×5 м) на всей площади произведена была в начале работ. Это было сделано с целью облегчения и упрощения фиксации находок, а также для облегчения пользования документацией в будущем. Вся территория городища была разделена на полосы в 5 м шириной. Ориентированы они с севера на юг. Нумерация навелась от 0 полосы, расположенной в восточной части городища, до XXX, самой западной (рис. 1). На чертежах и в других документах полосы обозначены римскими цифрами. В северной части городища была проведена линия с востока на запад, от которой в южном направлении разбиты квадраты 1—35, а в северном 1а—12а. В документации номера квадратов обозначены сочетанием римских и арабских цифр.

Раскопки обнаружили насыщенность культурного слоя находками, весьма интересными. Наряду с этим на городище бросается в глаза бедность строительных остатков. До глубины 0,40—0,60 м они отсутствуют, а встречаются только отдельные камни, среди которых, хотя и очень редко, попадаются блоки хорошей тески. Местами строения разрушены до глубины 0,80 м, как это наблюдалось на пробных квадратах возле траншеи, перерезавшей оборонительные сооружения¹⁶. Здесь, на отмеченной глубине, найдены две кучи камней. Камни, малопригодные, а то и просто непригодные для строительного дела, были сброшены в кучи.

Изолированные строительные остатки на глубине 0,60 м найдены были в северо-западной части городища и в одном случае — в наиболее разрушающейся его части.

Сравнительно небольшое количество каменных строительных остатков, найденных за пять лет раскопок, обусловлено двумя причинами. Первой (основной) причиной является отсутствие на восточном берегу Днестровского лимана мест добычи известняка — обычного строительного материала в этих местах. Второй причиной является разбор ненужных и разрушившихся строений, с целью использования камня в новом строительстве. Эти взаимосвязанные между собой причины существовали в этих местах на всех этапах жизни древнего поселения. Они же обусловили, наряду с естественно-историческими факторами, разрушение древнего городища в продолжение XIX и первой половины XX столетий.

В строительном деле древних обитателей Роксоланского городища основным материалом была глина, что подтверждается в первую очередь раскопанными остатками глинобитных и сырцовых стен. Это подтверждается и многочисленными завалами глины и котлованами, возникшими в результате выборки глины для изготовления кирпича-сырца, глиняных лепешек и др.

После общих замечаний, перейдем к описанию, прежде всего, строительных остатков, найденных на городище. Описывать их будем по глубинам залегания, начиная с верхних пластов. Мощность культурного слоя на городище неодинакова, даже в раскопанной надлиманной части. Различия в мощности культурного слоя объясняются не только интенсивностью жизни, но и временем заселения той или иной

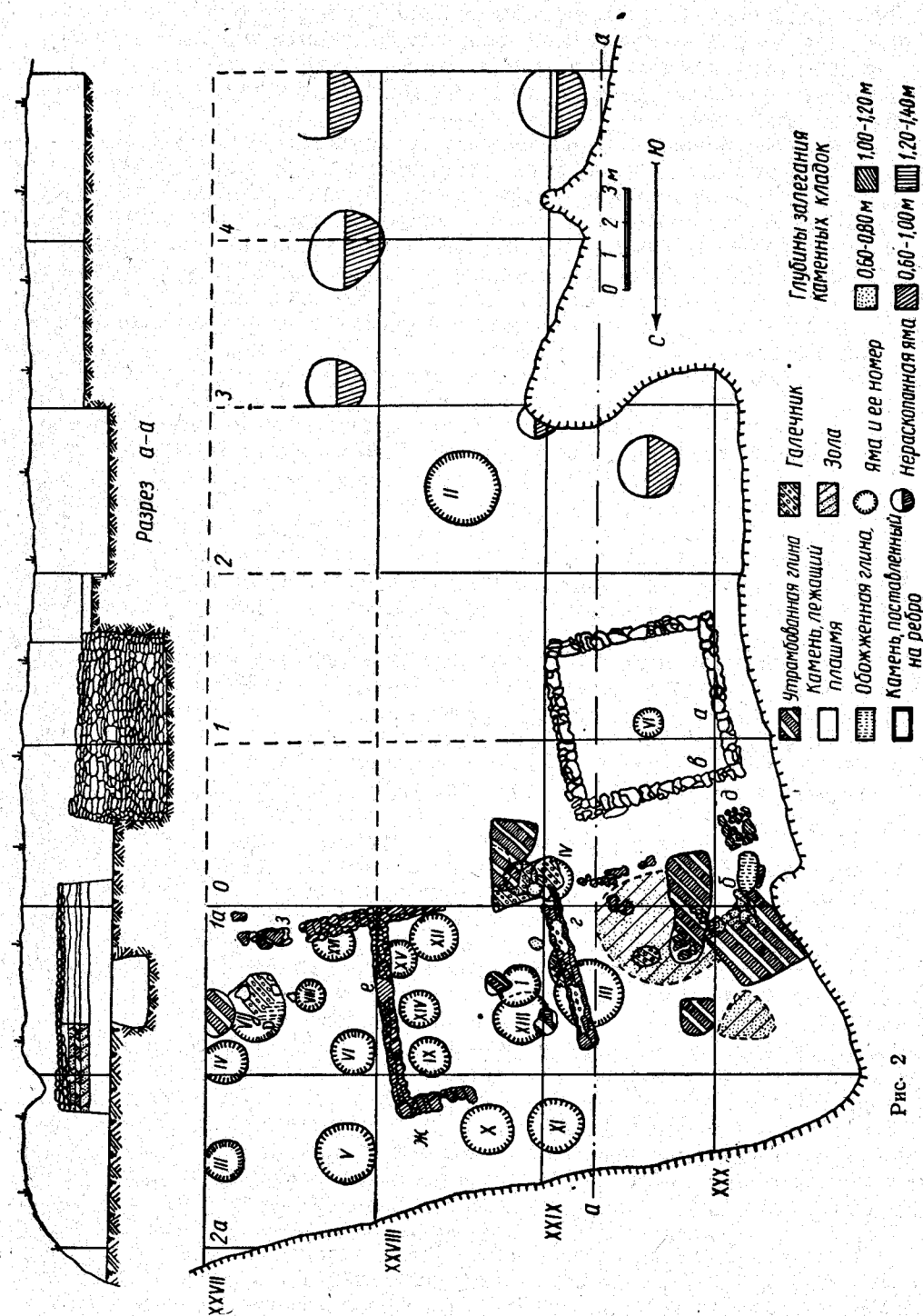
¹⁶ М. С. Синицын. Раскопки Роксоланского и Надлиманского городищ в 1957—1958 гг., ЗОАО, т. I (34), стр. 190.

части городища. Так, в северо-западной его части, где культурный слой достигал мощности только 2,30 м, отсутствовали следы деятельности древних поселенцев, которые можно было бы отнести ранее IV в. до н. э. В середине же надлиманской части городища, где мощность культурного слоя превышала 3 м, найдены были предметы, которые уверенно можно отнести к VI в. до н. э., а отдельные находки из ям к концу VII в. до н. э. Только что сказанное обязывает нас вести описание строительных остатков и других групп находок не только по разным глубинам залегания, но и по трем участкам.

В северо-западном углу городища, на полосах XXX и XXVII, в кв. №№ 0 и 1а, остатки строительной деятельности обнаружены на глубине 0,60—0,80 м от современной поверхности. Они были представлены завалом, о котором можно сказать только предположительно, что это остатки каменной кладки. Завал состоял из камней различной величины. Нижние его три плиты, хорошо уложенные плашмя, старательно поднесены с юго-восточной стороны. Эти три плиты, вероятно, остатки фундамента, положенного на поверхность времени строительства, ориентированного с юго-запада на северо-восток (рис. 2). К завалу, обозначенному на плане буквой «б», на уровне его основания, с северо-западной стороны примыкала утрамбованная глиняная площадка толщиной в 0,07 м, а длиной и шириной около 2 м. По форме эта глиняная площадка напоминает ромб. К восточному углу ее на том же уровне примыкала такая же, вытянутая с севера на юг, длиной в 3,40 м и шириной в северной части 1,25 м, а в южной 1,85 м площадка.

Юго-западнее завала, обозначенного на плане «б», находилось пятно обожженной глины, вытянутое с севера на юг. Длина этого пятна равнялась 1,85 м, ширина 0,80 м и толщина 0,08 м. У северной оконечности пятна найдена группа плит, поставленных на ребро и вкопанных в грунт на 0,15 м. Три плиты из этой группы, каждая приблизительно 30×30 см, расположены в ряд и тянутся с северо-востока на юго-запад. Края этих плит на стыках концами заходили друг за друга. Четвертая плита описываемой группы, самая крупная из них (0,50×0,50 м), находилась на западной границе глиняного пятна. Пятая, самая меньшая по размерам, расположена была между четвертой и тремя плитами.

Описанный завал («б»), затем площадка утрамбованной глины (по форме напоминающая ромб), пятно обожженной глины и группа плит, поставленных на ребро, скорее всего являются остатками одного строительного комплекса, относящегося, возможно, к последнему строительному периоду этого городища. Датируется этот строительный комплекс исключительно фрагментированным керамическим материалом. Среди него обычными были обломки узкогорлых каннелированных амфор, а также сероглиняной гончарной и лепной посуды. Гончарная посуда, как правило, была резкой и сильной профилировки с хорошо залощенной поверхностью. Среди лепной посуды, сделанной из грубой массы, частыми были обломки с залощенной поверхностью. Наше предположение о принадлежности описанных строительных остатков к последнему строительному периоду подтверждается и другими фактами. В дерновом пласте этой части городища культурные остатки были очень редки сравнительно с другими его частями. Здесь незаметны следы глубокой обработки почвы (отсутствуют следы корней винограда, деревьев и др.). Одиночные керамические находки, обнаруженные на глубине 0,60—0,80 м от современной поверхности, попавшие в землю в результате фортификационных работ, не измельчены. Сравнительно глубокое залегание опи-

санных строительных остатков легко объяснимо значительными эоловыми отложениями в этом месте, где завихрения ветров, дующих с разных направлений, — нормальное явление. Сказанное хорошо иллюстрируется наблюдениями на поселении возле с. Пивденное: здесь культурный слой IV—II вв. до н. э. перекрыт метровым стерильным пластом эоловых отложений.

Севернее описанных строительных остатков, на полосе XXIX, в западной-северо-западной части кв. № 1, найдена площадка утрамбованной глины размером в квадратный метр. Глубина залегания этой площадки, ее структура и характер находок связывают ее с только что описанными строительными остатками. Но значительность расстояния между ними, изолированность последней не позволяют видеть в ней часть вышеописанного строительного комплекса. Эта площадка по глубине залегания и по керамическому материалу, связанному с ней, является только синхронной ему.

На глубине 0,80—1,00 м от современной поверхности, в кв. № 1а и 0, на XXIX полосе, обнаружен каменный фундамент, обозначенный на чертеже лит. «г», который тянется с юго-юго-востока на северо-северо-запад (рис. 2). Этот фундамент длиной в 4,75 м почти полностью сохранился. Он немного разрушен только в юго-юго-восточном конце, где из него взято несколько камней. Фундамент шириной в 0,50 м, сохранившийся в высоту на 0,35 м, положен был на сnivelированную поверхность времени строительства. Впадины на поверхности были засыпаны глиной и утрамбованы. Сложен фундамент «г» из необработанных плит известняка, уложенных плашмя. Наружные камни, сравнительно с внутренними, более крупные и с внешней стороны слегка подтесаны. Отдельные плиты этого фундамента в северо-северо-западном его конце были значительных размеров (0,60—0,30 м). С восточной стороны, на уровне основания, к фундаменту примыкала вымостка из гальки длиной в 1 м и шириной в 0,60 м. Эта вымостка, вытянутая параллельно фундаменту «г», по своему устройству напоминала вымостки из гальки, обычно служившие основанием глиняным подам очагов. Вымостка из гальки положена была на глинобитный местами сохранившийся пол.

Рядом с вымосткой из гальки, юго-восточнее ее, в разрушенном глинобитном полу находилась небольшая ямка, в которой обнаружен крупный лепной горшок, сильной и довольно резкой профилировки, накрытый каменной плитой. Сделан он из серой грубой массы и слегка обожжен. Поверхность его стенок была покрыта слоем глины хорошего отмула. Высокий венчик этого горшка, приглаженный по верхнему краю, отогнут наружу. Под тяжестью земли он весь раскололся на куски, но благодаря тому, что его засыпка черноземом была полной, все части сохранились на месте и форма сохранилась полностью. Ямка, в которой находился горшок, была заполнена также черноземом. В придонной части и на дне горшка находились детские переженные кости.

Почти параллельно фундаменту «г», восточнее его, на той же глубине от современной поверхности найден фундамент «е». Юго-восточный конец этого фундамента находился в 5 м от юго-восточного конца фундамента «г», а между северо-западными их концами расстояние равнялось 5,6 м. Фундамент «е» — такой же ширины, как и фундамент «г», но лучшей сохранности и несколько иного устройства. Длина его достигала 7 м. Северо-западный конец фундамента «е» сложен из более крупных плит известняка. В 1,7 м от его юго-восточного конца лежал большой плоский камень (0,50 м 0,60 м), возможно порог. Как видно

из сказанного, фундаменты «г» и «е» сложены из камней различной величины, но принцип кладки одинаков.

Восточнее фундамента «е», в разрушенном глинобитном полу находилась маленькая ямка со слабо очерченными контурами. В ямке глубиной в 0,5 м, при зачистке нашли корчагу, ориентированную дном на северо-восток. Горловина корчаги, перекрытая нижней частью остродонной амфоры, сохранилась хорошо и лежала ниже дна. Тулово ее в самой широкой части было раздавлено землей. Нижняя часть корчаги, заполненная черноземом, сохранилась хорошо. В черноземе, в придонной части и на дне корчаги нашли остатки косточек младенца, среди которых были и остатки черепа. На плохо сохранившихся косточках следы действия огня отсутствовали. Положение корчаги (верхняя часть лежала ниже дна) объясняется тем, что погребальная яма частично находилась над более древней ямой. Последняя, засыпанная в нижней части мусором, а в верхней — чистой глиной и хорошо утрамбованная, дала значительную осадку.

С востока-северо-востока на запад-юго-запад тянулся фундамент «ж», уцелевший лишь частично (рис. 2). Этот остаток фундамента, сохранившийся на протяжении 2 м, вместе с фундаментом «е» составляли чуть заостренный угол довольно большого помещения. Фундамент «ж» сравнительно с только что описанными немного шире и сложен из более крупных плит известняка. Пустоты на стыках между крупными плитами, уложенными плашмя, заполнены мелкими камнями и щебенкой. Фундамент «ж» был основанием северо-северо-западной стены, которая была толще других стен постройки. Обычай сооружения северо-западных, северных и северо-восточных стен жилых помещений толще других распространен был в нашем крае в последних веках до н. э. и в начале н. э., как это наблюдалось на Петуховском городище¹⁷.

Заканчивая описание этого комплекса фундаментов, остановимся на неполностью раскопанном фундаменте «з», тянувшемся с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Проследить этот фундамент удалось только на протяжении 6 м. Его концы: восточно-северо-восточный и западно-юго-западный были разобраны, вероятно, еще в древности. Хотя незначительная часть фундамента «з» осталась нераскопанной, но завал из небольших камней, как бы продолжающий этот фундамент в западно-юго-западном направлении, позволяет предположить, что длина его приближалась к 15 м (рис. 2).

Наше предположение основывается не только на том, что завальные камни находились на линии фундамента, а и на том, что глубина их залегания и обрывки глинобитного пола, одинакового по структуре, находились на одинаковой глубине от поверхности. Обрывки глинобитного пола связывают выразительные и невыразительные остатки в один нечетко выраженный строительный комплекс, состоящий из трех камер. Длина его равнялась приблизительно 15 м, а ширина 5,5 м. Величина и планировка только что описанного предполагаемого жилья, являются типичными для первых столетий н. э. Подтверждением сказанному могут служить жилые постройки, найденные раскопками на уже упомянутом Петуховском городище.

¹⁷ М. С. Синицин. Петухівське городище. Праці Одеського державного університету, т. 149, Серія історичних наук, вип. 7. Археологічний збірник, ч. 1, стр. 13—33.

Как уже отмечалось, между фундаментами над завалом, на глубине около 1 м от современной поверхности, сохранились жалкие остатки глинобитного пола. Плохая его сохранность легко может быть объяснена тем, что здание было построено на том месте, на котором в предыдущее время существовало большое количество разного рода ям. Строители жилья старательно засыпали впадины поверхности времени строительства глиной и затрамбовали, но через некоторое время, несмотря на проделанную строителями работу, засыпанные и затрамбованные ямы дали значительную осадку грунта. В результате этого пол растрескался. В местах же, где в более ранние времена ям не было, пол сохранился хорошо и позволяет составить полное представление о его устройстве. Он состоял из слоя глины, смешанной с песком-ракушняком, толщиной в 7—10 см. В отдельных местах поверхность пола перекрывалась тонкими пластинками, которые легко отслаивались. Эти легко отслаивающиеся пластинки возникли в результате многократных смазываний пола смесью глины и помета животных.

К этому же строительному комплексу относится разрушенный очаг, найденный в восточной части восточной-северо-восточной камеры (рис. 2). Он был сложен в основном над более древней ямой, засыпанной в нижней части мусором, а в верхней—чистой глиной. Глина была хорошо утрамбованной, но, несмотря на это, яма дала значительную осадку, что и обусловило расположение основной части пода очага ниже пола помещения на 8—10 см. Под очага растрескался и от него сохранились куски обожженной глины, смешанной с песком-ракушняком, а также слой гальки, подстилавший под очага. Свод, по крайней мере, его нижняя часть, был сложен из тонких небольших плит известняка, поставленных на ребро, из которых три с северо-восточной стороны были не сдвинуты со своих мест. Остатком свода, по-видимому, является и плита юго-западной стороны пода, поставленная также на ребро. Две же плоские обожженные плиты известняка, лежавшие на поверхности пода, вероятно, свалились с его верхней части.

Возле описанных выше фундаментов и завалов найдено было большое количество пятен рыхлой глины. Толщина их была неодинаковой. Возле фундаментов и завалов (обычно—параллельно им) мощность их достигала 10—15 см, а в меру удаления от них она становилась тоньше, и метрах в 1,5—2 эти пятна терялись. В местах, где пласт глины был значительным, обычно были комки, в которых заметны следы истлевшей соломы. На фундаментах, сложенных из плит известняка, в отдельных местах обнаружены пласты глины в 10—15 см, в которых встречались глиняные лепешки со следами истлевшей соломы. Эти лепешки по структуре аналогичны комкам глины из скоплений ее возле фундаментов и завалов. Все только что сказанное подтверждает, что стены этой постройки были сложены из глиняных лепешек на каменном фундаменте.

На полу, под завальной глиной по всей площади строения обычными были находки сгоревшего и полусгоревшего камыша, древесных углей и золы. Залегание древесных углей, полусгоревшего и обгоревшего камыша и золы позволяет предположить, что камышовая крыша этого многокамерного строения сгорела раньше, а потом разрушились глинобитные стены постройки.

Время сооружения постройки, описанной выше, можно определить только в общих чертах: материал, способный дать точную хронологическую справку, не найден. Найденные же в глинобитном полу два по-

гребения, неоспоримо относящиеся ко времени функционирования жилья, своим инвентарем (лепной горшок, корчага, нижняя часть амфоры) определяют это время II в. н. э. Это же время намечается и обломками глиняной посуды, найденной на уровне пола в помещениях и вне их.

В последующем пласте, залегавшем на глубине 1,00—1,20 м от современной поверхности в северо-западной части городища, строительные остатки отсутствовали. Исключением из этого является вымостка, найденная в кв. № 0, на XXX полосе, обозначенная на чертеже «Д». Эта четырехугольная вымостка была сложена из хорошо подобранных по толщине и старательно уложенных плашмя плит. Внешние ребра плит, ограничивающих вымостку, довольно тщательно подтесаны. В основном она сложена из крупных плит, а пустоты на стыках между ними заполнены мелкими камнями и щебенкой. Вымостка, длиной в 1,08 м и шириной в 1 м, ориентирована была с юго-юго-востока на северо-северо-запад. На всех плитах вымостки были отчетливо заметны следы действия огня. В щелях между камнями в изобилии встречалась чистая зола. Плиты вымостки были положены на насыпную плохо утрамбованную глину. При зачистке вымостки «Д» (рис. 2), которую следует рассматривать как остатки жертвенника, нашли несколько ножек поздних амфор и маловыразительных фрагментов посуды, покрытых коричневым и красным лаком. Этот жертвенник, пока единственный на нашем городище, находит многочисленные аналогии на Боспоре и в погребальном культе греческой метрополии¹⁸.

Среди строительных остатков, раскопанных в этой части городища, главное место занимает хорошей сохранности подвал. Верхние камни его стен, производившие впечатление завальных, отмечены были на глубине 1,20—1,30 м от современной поверхности, в кв. № 0 и 1, на полосах XXIX и XXX (рис. 2). Подвал в плане приближался к квадрату. По внутреннему обмеру длина равнялась 4,30 м, а ширина 4,15 м. Толщина его стен неодинакова. В северо-восточной части она превышала 0,5 м, а в отдельных местах юго-западной части мощность его стен едва достигала 0,25 м. Плиты, из которых были сложены стены подвала, подобраны приблизительно одинаковой толщины, а части их, которыми они стыкались в длину, старательно подтесаны. Ребра плит, выходявшие внутрь подвала, тоже были хорошо подтесаны. Ребра же плит, выходявшие наружу, были рваными и следов тески не несли.

Высота стен помещения в северо-северо-западном углу равнялась 2,65 м, а в юго-юго-восточном достигала 2,45 м. На уровне 1,50 м от его пола, в восточно-северо-восточной и в западно-юго-западной стенах находились точно один против другого два четырехугольных проема, высотой около 0,40 м и шириной около 0,45 м. Обрамлены эти проемы были крупными хорошо подобранными и обработанными плитами известняка. Обычно в нашем крае в противоположных стенах подвалов делали проемы, которые служили гнездами для балок, несших перекрытие подвала. В этом же подвале проемы слишком велики и к тому же они расположены низко от уровня пола, поэтому их нельзя рассматривать как гнезда для балок, несших перекрытие. В связи с этим следует отметить, что с наружной стороны против проемов грунт, в который опу-

¹⁸ Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в Боспорских курганах. СА, т. XIV, стр. 125—139; D. M. Robinson Excavations at Olynthus. Оксфорд, 1942, стр. 190 и след.

щен подвал, был выбран до уровня нижних краев проемов. Все это позволяет предположить, что проемы в стенах этого подвала не были гнездами для балок, а скорее всего вентиляционными окнами. Расположение же их в противоположных стенах, строго друг против друга, позволяло, в случае надобности, создавать сквозняк, способный проветрить подвал в короткий отрезок времени. К тому же следует помнить, что ветры в этих местах в жаркое летнее время обычно дуют с запада на восток либо с востока на запад.

Стены подвала были сложены в котловане, имевшем форму, близкую квадрату, и являлись обкладкой бортов котлована. Ребра плит, примыкавшие к бортам котлована, были рваными, а поэтому между бортами котлована и ребрами плит создавались пустоты, которые строители за полняли чистой глиной. Глиняная засыпка следов трамбовки не имела.

Верхняя часть подвала была засыпана черноземом с незначительной примесью золы и глины. По мере углубления, в засыпке количество золы и глины нарастало. Начали изредка попадаться отдельные древесные угли. Особенно много золы и углей встречалось в пласте, залегавшем на глубине 10—15 см от уровня пола подвала; но пласт, непосредственно перекрывавший пол, состоял почти из чистого чернозема. В пласте, перекрывавшем пол подвала, нашли большое количество амфорных обломков, а особенно много их было в северной части подвала. Среди амфорных обломков встречались и значительные части амфор, к которым легко подбирались недостающие обломки. Встречались амфоры явно раздавленные. В этом же пласте засыпки встречались обломки чернолаковой, сероглиняной лощеной гончарной и лепной с шершавой поверхностью керамики.

Пол этого хорошо сохранившегося подвала, толщиной до 10 см, был сделан из глины с примесью песка-ракушняка. В слабо утрамбованном полу, почти в центре подвала, находилась яма, высеченная в материке. Верхний ее диаметр равнялся 0,60 м, нижний — 1,25 м и глубина достигала 2 м. Засыпана она была черноземом, к которому в значительном количестве были примешаны глина и зола. В засыпке попадались древесные угли.

Наиболее выразительные и многочисленные находки были собраны на полу подвала и на дне описанной ямы. Среди находок, обнаруженных на дне подвала, следует отметить два поздних бронзовых наконечника стрел, железный с горбатой спинкой нож и кривой железный кинжал. Железный нож с горбатой спинкой аналогичен многочисленным находкам с поселений и городищ Нижнего Днепра и Нижнего Ю. Буга. Кривой кинжал, сильно разрушенный ржавчиной, был длиной в 36 см (лезвие — 26 и ручка — 10 см), а ширина полотна лезвия его равнялась 5 и ручки 3 см. Такой кинжал обычен для греко-фракийского мира.

Среди находок на дне ямы особый интерес представляет целый лаггин, намечающий сравнительно раннюю дату засыпки ямы. Наконечники стрел, амфорные обломки и фрагменты чернолаковой посуды, найденные на дне подвала, позволяют отнести разрушение подвала к началу IV в. до н. э.

Описанные подвал и яма, найденная в его центральной части, вначале были восприняты нами как части единого строительного комплекса. Это ошибочное представление возникло в процессе раскопок. Горловина ямы четко вырисовалась во время зачистки пола подвала. Следов сознательной засыпки и трамбовки не было обнаружено. Засыпка ямы (особенно в придонной части) была рыхлой. Кроме уже упомянутого

лаггина, который по аналогии следует отнести к V в. до н. э., на дне этой ямы найдены: 2 ножки амфор, большое количество обломков лепной посуды, бусина из пасты, относящиеся тоже к V в. до н. э. Это позволяет сделать вывод, что подвал и яма прекратили свое существование в разное время и, что хронологический разрыв между разрушением подвала и засыпкой ямы приближался к целому столетию.

Строительные остатки северо-западной части городища, где распкопана значительная площадь (около 225 м²) на полосах XXVII—XXX, кв. № 1, 0, 1а, 2а и вскрытые здесь же 16 ям различного назначения указывают на хронологию застройки этой части городища. Прежде всего следует указать, что в северо-западной части городища не найдены остатки строений, которые можно было бы отнести ко времени ранее начала IV в. до н. э.; что находки в яме указывают начало жизни в этой части городища в более ранние времена (в V в. до н. э.).

Многочисленными, выразительными, самыми ранними памятниками являются находки в уже упомянутой яме, обнаруженной под полом подвала, а также в яме № III, найденной под фундаментом «г» в кв. № 1а, на XXIX полосе. Вероятно, верхняя часть этой хозяйственной ямы была срезана в древности, что и стало причиной особенностей ее пропорций. Она имела форму цилиндра со значительным диаметром (2 м), а глубина ее немногим превышала 1,5 м. В засыпке ямы № III изобиловавшей золой, обнаружены обломки чернолакового килика, который с несомненностью можно датировать серединой V в. до н. э. Здесь же найдено 8 бронзовых монет, называемых в обиходе «колесиками». А. Н. Зограф¹⁹ эти монеты относит к концу VI и началу V в. до н. э. и связывает их с Ольвией. Среди современных нумизматов утвердилось мнение о их принадлежности Истрии.

Следующий участок раскопок расположен в западной части городища, наиболее разрушенной за последние 50 лет. Эта часть городища сравнительно с другими понижена. Понижение в древнее время здесь было ощутимым, что подтверждается наносным пластом, перекрывающим культурный слой. Наносный пласт в этой части городища на 20—25 см больше, чем в других его частях. Раскопано здесь 325 м² на полосах XXIII—XXIX, кв. № 9—17.

В западной части городища сравнительно выразительные строительные остатки обнаружены начиная с глубины 0,80—1,00 м от современной поверхности. Они были найдены прежде всего в кв. № 13 и 14, на полосах XXIII, XXIV и представлены остатками внутреннего дворика, обозначенного на чертеже «а», и завалом камней (рис. 3). Вымостка «а» в плане приближалась к форме равнобедренного треугольника, вершиной направленного на юго-восток. Основание его равнялось 2,75 м, а бедра приближались к 3 м. Вымостка с юго-западной стороны ограничена была каменными плитами, поставленными на ребро, из которых несдвинутыми с мест оказались только четыре. Одна плита (юго-восточная) наклонена была на северо-восток. Отмеченные четыре плиты значительных размеров, поставленные на ребро, скорее всего являлись остатками фундамента стены, ограничивающей дворик с юго-запада (вымостку «а»). Обычай сооружения фундаментов из крупных каменных плит, поставленных на ребро, в Северо-Западном Причерноморье хо-

¹⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, № 16, стр. 122—123. Ср. статью А. Г. Загинайло в настоящем томе.

рошо известен археологам в поселениях с предколониальной поры²⁰, хотя некоторые советские археологи появление этого способа сооружения фундаментов связывают с греческой колонизацией. Здесь следует указать, что отмеченный способ кладки фундаментов построек существует в эпоху греческой колонизации в поселениях Днестро-Бугского Причерноморья, но значение его крайне ограничено, он почти забыт²¹. Этот способ сооружения фундаментов в нашем крае начинает играть весьма заметную роль ко времени Великого переселения народов²².

Вымостка «а» (дворик) выложена была из известняковых плит различной величины, но приблизительно одинаковой толщины. Значительное количество камней, из которых была сложена вымостка, употреблено вторично. К камням вторичного употребления безусловно относились пять крупных плит, среди которых одна имела длину 0,85 м и ширину 0,60 м. Среди мелких камней трудно отметить использованные вторично. Верхние плоскости крупных и мелких плит были старательно подогнаны к одному уровню. Пустоты на стыках между отдельными плитами заполнены щебенкой.

Северо-западнее описанной вымостки, на той же глубине (главным образом на XXIII и частично на XXIV полосе в кв. № 13) в черноземе, смешанном с глиной и золой, в котором попадались и отдельные древесные угли, найдены несвязанные между собой различной величины завальные камни. На XXIV полосе, как бы замыкая группу камней, лежала плита длиной в 0,75 м и шириной в 0,50 м. Эта плита со, следами обработки, хорошо уложена плашмя, ориентирована была с северо-запада на юго-восток. Юго-восточнее плиты на той же линии находилась значительная часть большой обработанной плиты и несколько сравнительно мелких камней. Уцелевшие остатки не позволяют, к сожалению, восстановить план постройки.

Возле восточного бортика кв. № 13, на XXIII полосе, находился завал, раскопанный нами только в его западной части. Восточная его часть осталась невскрытой под западным бортом XXII полосы. Завальные камни значительных размеров были нагромождены один на другом. Среди них одна плита неправильной формы, длиной в 0,70 и шириной в 0,60 м. Вторая плита сравнительно хорошей тески, четырехугольной формы, уходила под XXII полосу. Эта плита находилась в нижнем горизонте завала и производила впечатление несдвинутой с места (рис. 3).

Описанные жалкие строительные остатки, обнаруженные в пласте, залегавшем на глубине 0,80—1,00 м от современной поверхности этой части городища, могут быть датированными предметами, найденными при зачистке вымостки «а» и завалов. Среди этих предметов следует назвать прежде всего обломки узкогорлых амфор, а между ними и канелированных. Здесь изредка попадались обломки мисочек, покрытых красным лаком низкого качества. Сероглиняная гончарная посуда была представлена фрагментами мисочек и кувшинов сильной и резкой профилировки, с залощенной серой либо темной поверхностью. Хорошо бы-

²⁰ М. С. Силицын. Древнее поселение в Лузановке, МАСП, I, стр. 69.

²¹ Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИА, 3, стр. 57—58.

²² А. В. Бураков. Исследования Козырского городища. КСИА, 7, стр. 81; М. С. Силицын. Петухівське городище. Праці Одеського державного університету, т. 149. Серія історичних наук, вип. 7, Археологічний збірник, ч. 1, стр. 21; М. С. Силицын. Погребальные обряды Днестро-Бугского Причерноморья скифо-сарматского времени, МАСП, IV, стр. 33—60.

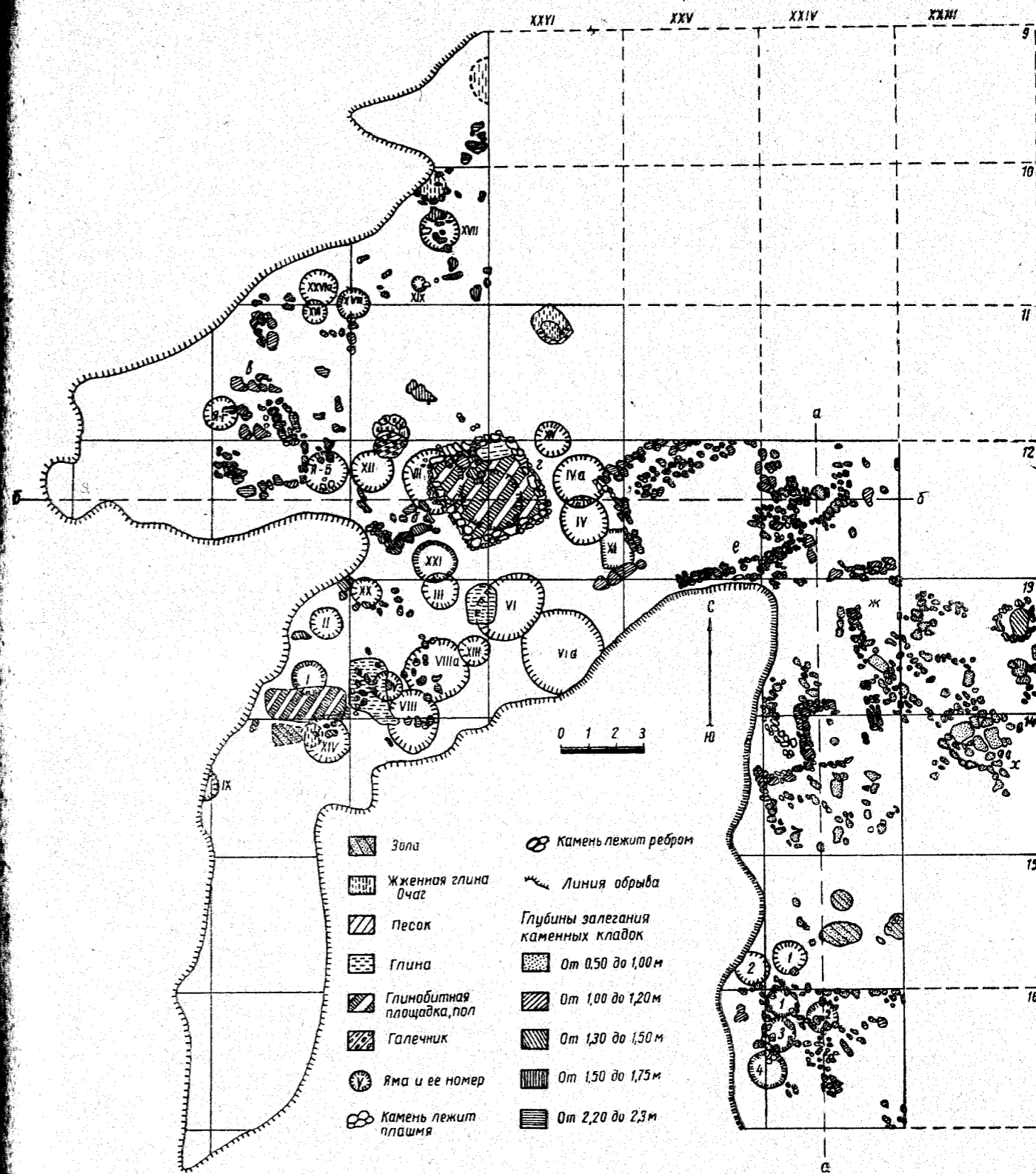

Рис. 3

ла представлена и лепная посуда, сделанная из грубой массы. Совокупность находок позволяет описанные строительные остатки отнести ко II в. н. э.

К этому же времени относится и погребение, найденное в юго-западной части кв. № 25, на XXV полосе. Юго-западная часть этого квадрата обвалилась в надлиманный обрыв, а вместе с ней и нижняя часть костяка. О глубине залегания костяка от современной поверхности уверенно говорить не приходится: перекрывающий его грунт был поколотым в процессе сползания в надлиманный обрыв. Щели в грунте обусловили его окраску в темный цвет на значительную глубину, что затруднило выяснение контуров погребальной ямы. О глубине залегания костяка можно только говорить приблизительно, по общей линии горизонта, что он найден на глубине 1,10—1,30 м от современной поверхности. Восточнее погребения были обнаружены значительные обрывки глинобитного пола, который разрушен в западной части трещинами и окрашен в темный цвет гумусом, занесенным водой из верхних слоев. Костяк лежал на восток-юго-восток на левом боку. Руки были сложены вместе перед лицом. Берцовые кости, торчавшие в надлиманном обрыве, сдвинулись с места в процессе разрушения береговой линии, а голени и ступни уже свалились в лиман. Костяк лежал лицом к югу. На юго-восток от черепа (10 см) находилось костяное пряслице, сделанное из суставной кости. Перед лицом лежала трубчатая кость. В ушных выемках находилось по одной серьге в виде колец, сделанные из расплющенной проволоки. Кольца диаметром около 2 см имели ширину пластинки в 7 мм, и толщину 1 мм. Зубы покойника хорошо сохранились, но зубы мудрости еще отсутствовали. Грунт засыпки костяка, сравнительно с грунтом пласта, имел более заметную примесь глины.

Положение головы и туловища позволяют считать это погребение скорченным. Покойника похоронили в жилье, вырубив неглубокую яму в глинобитном полу. Обычай погребения покойников в жилье распространяется в Северо-Западном Причерноморье с конца III в. до н. э. Но это были детские погребения в сосудах, главным образом в амфорах, в которых находили либо скорченные детские костяки, либо золу с обгоревшими детскими косточками²³. В данном случае найдено скорченное погребение в яме и при этом не ребенка, а взрослого, хотя и молодого, человека.

В последующем пласте, залегавшем на глубине 1,00—1,20 м от современной поверхности, в этой части городища найдены строительные остатки только в квадратах №№ 12 и 13, на XXVII и XXVIII полосах. В кв. № 12 на XXVII полосе найден жалкий обломок фундамента, обозначенный на чертеже «б» (рис. 4). От этого фундамента, ориентированного с юго-запада на северо-восток, несдвинутыми с места сохранились только несколько плит, среди которых и одна большая, длиной в 0,70 и шириной в 0,40 м, четырехугольной формы, сравнительно хорошей тески. Эта плита определяет направление фундамента. К юго-западному концу ее примыкают несколько небольших камней, несдвинутых с места. Большая плита и небольшие камни от фундамента «б», сохранившегося на протяжении около 1,5 м, свидетельствуют, что фундамент положен был на поверхность времени строительства из плит различной величи-

²³ М. С. Синицин. Петухівське городище. Праці Одеського державного університету, т. 149, Серія історичних наук, Археологічний збірник, ч. I, стр. 21, 23, 24.

ны, уложенных плашмя. Северо-западная сторона плит подтесана и подогнана в одну линию с северо-западным ребром большой плиты. Юго-западный конец фундамента «б» соединен был с нагромождением камней, вытянутым с северо-запада на юго-восток на 1,25 м. Обрывок фундамента и нагромождение камней образуют угол в 110 градусов. Северо-западнее большой плиты фундамента «б», в 0,5 м от него, параллельно фундаменту находилась большая плоская плита, производившая впечатление сознательно уложенной, две поменьше — случайные. Северо-восточнее фундамента находились четыре плоские плиты, не связанные между собой.

В кв. № 13 в этом пласте (1,00—1,20 м) найдены были только отдельные мелкие камни, производившие впечатление разбросанных. Наибольшее количество их найдено в юго-западной и северо-западной частях квадрата. Из юго-западной части кв. № 13 они проходили в северо-восточный угол кв. № 14, на XXVIII полосе. В северо-восточном углу кв. № 13, на XXVIII полосе, группа из трех камней как бы замыкала эти разбросанные камни. Северные ребра двух камней расположены были строго в одну линию и подтесаны.

Вышеописанные строительные остатки, найденные в пласте, залегавшем на глубине 1,00—1,20 м от современной поверхности, на западной части городища, свидетельствуют о массовости разбора построек в древности. Интенсивное вторичное использование камня для нужд нового строительства в древности естественно приводило к перемещению предметов не только в пределах пласта, но и к перемещению из одного пласта в другой. Отмеченное затрудняет датировку строительных остатков и этого пласта. Здесь же находили обломки узкогорлых амфор, краснолаковых тонкостенных сосудов и очень редко обломки тонкостенной посуды, покрытой коричневым лаком. Кроме этого, в этом пласте встречались обломки тонкостенной сероглиняной и желтоглиняной посуды, сделанной на гончарном круге, а также фрагменты сероглиняной лепной посуды. Таким образом, пласт и строительные остатки, залегающие на глубине 1,00—1,20 м, следует отнести к I—II в. н. э. Единичные измельченные керамические обломки предшествующего времени попали в этот пласт в результате хозяйственной деятельности жителей городища.

Сравнительно многочисленными и достаточно выразительными в этой части городища были строительные остатки, найденные в пласте, залегавшем на глубине 1,30—1,50 м от современной поверхности. Грунт в этом пласте, сравнительно с предыдущим, более светлый. В грунте весьма ощутима примесь золы и глины. Обычны скопления насыпной, а лучше сказать завальной глины, в которой часто встречались комья. Более темный цвет грунта был в ямах. В засыпке ямы встречался иногда чистый чернозем. Строительные остатки в этом пласте были найдены в кв. № 11, 12, 13 и 14 на полосах XXIV, XXV, XXVI, XXVII и XXVIII.

В кв. № 11, на XXVII полосе, был найден остаток фундамента «в», имевший направление с запада на восток. Этот фундамент был разобран в древности и от него сохранилось всего лишь четыре хорошо уложенных плиты. Южные ребра этих плит расположены в одну линию и старательно подтесаны. Самая крупная плита, находившаяся в западной части обрывка фундамента, сохранила следы тески с трех сторон (юга, запада, севера). Восточное ребро надбито, а поэтому можно предположить что оно тоже было подтесано. На стыках двух восточных плит тоже прослеживались следы тески. Плоскости всех четырех были тесаными. Можно предполагать, что фундамент «в» (рис. 4), шириной в 0,60 м

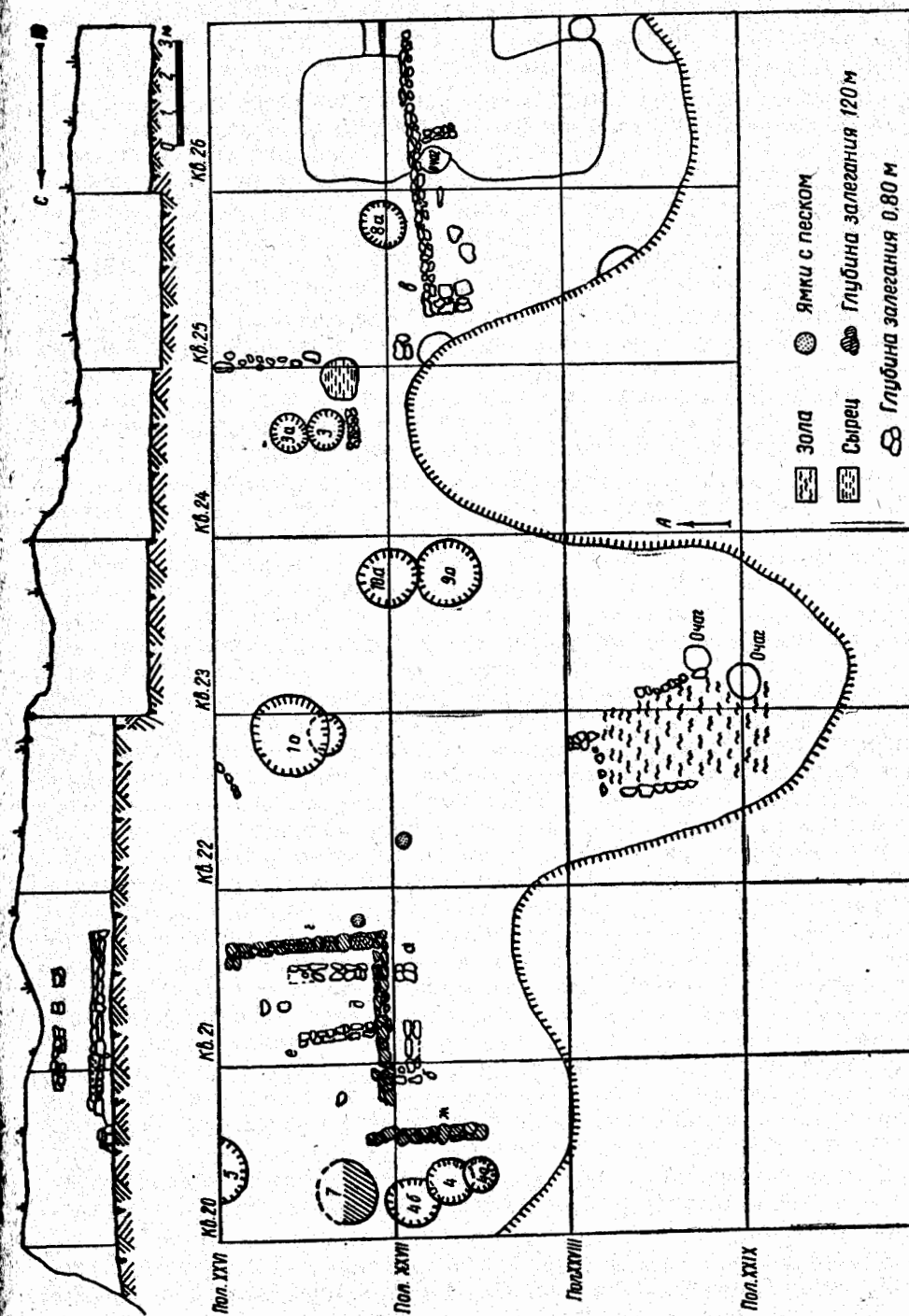

Рис. 4

был сложен из тесанных плит известняка, уложенных плашмя. Южнее и севернее фундамента, на той же глубине, найден ряд плит, по величине и характеру обработки аналогичных с фундаментом «в». Вероятно, их выбрали из фундамента, но потом по каким-то причинам оставили.

В 1,20 м южнее фундамента «в», параллельно ему, в том же пласте, квадрате и полосе лежали две крупные (0,75, 0,60), вероятно надломленные плиты со следами тески. Южные ребра этих плит расположены строго в одну линию и ориентированы с запада на восток, т. е. параллельно фундаменту «в». Расположение только что упомянутых плит по отношению к фундаменту «в» закономерно позволяет предположить, что они могли быть частью фундамента южной стены постройки, выразительным остатком которой является обрывок фундамента «в».

Севернее фундамента «в», в том же пласте, квадрате и полосе, находилась группа плит, уложенных плашмя. Более крупные из них ориентированы с севера на юг. Севернее этой группы находились два небольших камня, производивших впечатление брошенных. Камни, уложенные плашмя, фундамент «в» и две крупные плиты находились в одной плоскости. Они намечали контуры прямоугольной постройки.

К этому же пласту (1,30—1,50 м от современной поверхности) относится и сравнительно хорошо сохранившийся подвал «Г», расположенный в основном в кв. № 12, на полосах XXVI и XXVII. Северный его угол немного заходил в кв. № 11 выше указанных полос. Подвал «Г» перекрывал две более древние ямы, поэтому его стены, создававшие западный угол, расположенные над ямами, дали значительную осадку. Юго-восточная стена дала сравнительно небольшую осадку в средней части, где она проходила возле южного борта более древней ямы. Одиночные сдвинутые с мест камни из стен подвала начали встречаться на глубине 1,25—1,30 м от современной поверхности. Отдельные верхние плиты стен подвала, не сдвинутые с места, найдены были на глубине 1,35 м. Подвал был засыпан черноземом, к которому примешана глина и зола. Глина в отдельных местах встречалась значительными рыхлыми пятнами с включениями комков. Обилие в засыпке глины резко бросалось в придонной части; в пласте, непосредственно перекрывавшем пол, господствовал чернозем. Находки в засыпке придонной части и на дне подвала были многочисленными и довольно разнообразными. Среди находок почетное место занимали различной величины амфорные обломки, а иногда раздавленные амфоры. Многочисленными были также и иные керамические обломки. Здесь же находили фрагменты чернолаковой посуды, покрытые лаком низкого качества, краснолаковой, сероглиняной лощеной, сделанной на гончарном круге, лепной и др. Кроме этого на дне подвала нашли разломанную зернотерку и разрушенные ржавчиной изделия из железа. Среди последних, впервые в нашей практике на античном памятнике, найдено железное орудие труда для очистки плуга от земли — «чистик».

Следует подчеркнуть, что в нижнем пласте засыпки, в щелях между плитами стен в придонной части подвала, многочисленной была шелуха от проса.

Стены подвала (каменная внутренняя обкладка) в результате неяршливости сооружения котлована, подбора камней и кладки, а главное, осадки, сильно деформировались, и поэтому их размеры в настоящее время, по всей вероятности, в значительной степени отклонились от первоначальных. После зачистки измерения показали, что юго-запад-

ная стена имела длину по верху — 3,30 м, а по нижнему краю она достигала только 2,20 м. Северо-восточная стена по верхнему краю достигала 3,00 м, а по нижнему — 2,20 м. Северо-западная по верху имела длину 2,30 м, а по низу 2,10 м. Юго-восточная же стена подвала по верхнему краю равнялась 2,80 м, и по нижнему — 2,60 м. Котлован, выкопанный в основном в рушенном грунте и только в нижней части высеченный в материке, в верхней части был шире, чем в нижней.

Стены подвала, сохранившиеся в высоту на 1,70 м, сложены были из камней различной величины и формы, среди которых было значительное число вторичного потребления. Примером сказанному может служить северо-западная стена, сложенная из разнообразных камней при различной технике кладки. Нижняя часть ее сложена из тесанных плит известняка, между которыми попадались отдельные значительных размеров (0,60×0,42 м). При этом крупные плиты были поставлены на ребро, а мелкие уложены плашмя. Верхняя же часть этой стены была сложена из плит с рваными краями, уложенными плашмя, среди которых находился и обломок корыта. В юго-восточной стене нижняя часть сложена из необработанных камней, уложенных плашмя (два слоя), а дальше кверху из поставленных на ребро. Камни между собой скреплялись большим количеством глины. Стены, толщиной в 0,50—0,40 м, с внутренней стороны были обмазаны глиной.

Пол подвала представлял собой слой хорошо утрамбованной смешанной с песком глины, толщиной до 0,40 м. Под полом подвала находились две ямы, из которых нас интересует в данном случае яма, обозначенная на чертеже «X». Вероятно, эта яма во время сооружения подвала еще хорошо прослеживалась, а возможно ее и помнили, что и обусловило ее весьма старательную засыпку глиной, смешанной с песком. Пол подвала и засыпка ямы были хорошо утрамбованы. Под засыпкой из глины с песком, составлявшей пробку, яма до дна засыпана черноземом, смешанным с золой. В этой яме нашли фрагменты чернолаковой посуды, лепной, сероглиняной гончарной, амфорные обломки, наконецник трехгранной стрелы и др. Керамические обломки, покрытые лаком низкого качества, наконечник бронзовой стрелы, найденные в придонной части ямы, дают возможность определить ее засыпку концом III в. до н. э. Вскоре после этого, что свидетельствуется старательностью засыпки и трамбовки, вероятно, в первой половине II в. до н. э., был построен описанный подвал. Находки, обнаруженные вскрытием придонной части подвала, при зачистке его пола и вскрытии ямы, позволяют предположить, что подвал функционировал непродолжительное время.

В кв. № 12 и частично в кв. № 13, на полосах XXV и XXVI в этом же пласте (1,30—1,50 м), найдены остатки трех фундаментов, обозначенных на чертеже буквой «Д» (рис. 4). На границе кв. № 12 и 13 лежали четыре плиты, хорошо уложенные в ряд. Этот обрывок фундамента, ориентированный с северо-востока на юго-запад, состоял из сравнительно крупных, плоских, частично обработанных плит. Обработанными были только стыки между плитами.

Второй обрывок фундамента находился в кв. № 12 и пересекал границу между полосами XXV и XXVI. Этот обрывок был ориентирован с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Сложен он из плохо подобранных небольших каменных плит, уложенных плашмя. Пустоты между сравнительно крупными плитами были заложены мелочью, либо засы-

паны щебенкой. Внешние ребра плит этого фундамента строго уложены в одну линию и подтесаны. Описываемый обрывок фундамента, шириной в 0,40 м, прослеживался на протяжении 2 м.

Третий обрывок фундамента, имевший направление с юго-запада на северо-восток, раскопан нами неполностью. Его северо-восточный конец ушел под нераскопанный южный борт кв. № 11, на XXV полосе. Юго-западный конец этого фундамента, перекрывавшего более древнюю яму, в результате осадки грунта разрушился. Описываемый обрывок, шириной в 0,65 м, прослежен нами на протяжении 2,5 м. Сложен он из необработанных различной величины камней, среди которых попадались и плиты значительных размеров. На внешних ребрах его плит заметны были следы подтески. Лучшее сохранившаяся сторона этого искривленного фундамента направлена к юго-востоку.

Все остатки фундаментов, обозначенные «Д» (рис. 4), отличались один от другого не только своим устройством, но и горизонтами залегания. Наиболее глубоко от современной поверхности (1,45 м) залегают обрывок, представленный четырьмя плитами. Ближе двух других к современной поверхности (1,30 м) находился обрывок фундамента, имевший направление с северо-востока на юго-запад (неполностью вскрытый). Можно быть уверенным, что постройки, от которых сохранились три обрывка фундаментов, сооружены одновременно, но в близкие между собой периоды. Обилие глины возле обрывка фундамента, пересекавшего границу между полосами XXV и XXVI в кв. № 12, наличие комков глины в ней позволяют предположить, что постройка была сооружена из глиняных лепешек. О стенах здания, представленного обрывком фундамента из четырех плит, что-либо сказать невозможно. Мелкие камни, разбросанные возле остатков фундамента, имевшего направление с юго-запада на северо-восток и уходившего под борт кв. № 11 на XXIV полосе, делают закономерным предположение о существовании здесь строения, фундамент которого сложен был из камня.

В кв. № 12, на полосах XXIV и XXV, в этом же пласте (1,30—1,50 м) найден местами разрушенный фундамент, обозначенный на чертеже «е» (рис. 4). Этот фундамент, ориентированный с запада-юго-запада на восток-северо-восток, сохранился на протяжении 5,40 м. Восточный-северо-восточный его конец замыкался крупной плитой, имевшей длину 0,5 м и ширину 0,4 м, рядом с которой, с западной-юго-западной стороны лежала вторая, чуть поменьше. Эти две крупные плиты, возможно, намечают северо-восточный угол фундамента постройки, но доказать это невозможно. Западный-юго-западный конец фундамента производил впечатление оборванного. В средней части фундамент «е» разрушен и здесь найдены различной величины необработанные не связанные между собой камни. Возможно, в этом месте был дверной проем. Высказанное предположение подтверждается наличием здесь двух сравнительно больших каменных плит, как бы замыкающих с двух сторон его разрушенную часть.

Фундамент «е» сложен был из сравнительно хорошо подобранных плоских средней величины плит, положенных плашмя на дневную поверхность времени строительства. Внешние ребра плит были подтесаны, а внутренние остались рваными. Пустоты на стыках крупных плит заложены были мелкими камнями. С северной стороны к фундаменту «е» примыкали остатки глинобитного пола. По обе стороны на уровне пола, а особенно с южной стороны фундамента были разбросаны мелкие камни. Видимо, фундамент «е» был разобран в древности.

Обрывки фундаментов, обозначенные на чертеже буквой «ж» (рис. 4), находились в основном в кв. № 13 и частично в кв. № 12 и 14 XXIV полосы. Эти три обрывка намечали угол постройки, возможно, каменной. Они сложены из сравнительно хорошо подобранных плит известняка, уложенных плашмя на поверхность времени строительства. Внешние ребра необработанных плит старательно подтесаны. Внутри фундаментов, на стыках между рваными краями плит, пустоты заполнены мелкими камнями и щебенкой. Один из обрывков фундамента «ж», длиной в 1,80 м и шириной в 0,45 м, имел направление с запада-юго-запада на восток-северо-восток. По направлению к западно-юго-западному концу только что описанного обрывка фундамента с юго-юго-востока под прямым углом к нему тянулись два обрывка одного фундамента. Один из них был длиной в 1,5 м, а другой в 1,3 м. Оба обрывка связывались между собой одиночными камнями. Западнее предполагаемого угла лежала крупная плита с одним подтесанным ребром. Эта плита явно сдвинута с места. Здание, от которого сохранилось три обрывка фундаментов, разобранное еще в древности, было значительных размеров. Это подтверждается длиной западно-юго-западного фундамента (представленного обрывками), имевшего длину минимум 6,30 м. Вероятно, разрыв между его двумя обрывками является следом дверного проема. Обычай выход из жилья делать в южных, юго-западных стенах (в стороны, откуда дуют теплые ветры) существует не только в настоящее время, но и существовал в древности.

В пространстве, заключенном между остатками фундаментов «ж», на уровне их основания, местами сохранились обрывки глинобитного пола. Наиболее выразительные из них расположены восточнее обрывка фундамента, который тянулся с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Пол, толщиной в 7,10 см, был сделан из глины, смешанной с песком-ракушняком.

В этой же части городища (кв. № 9—17, полосы XXIII—XXIX), кроме описанных остатков строительной деятельности древних поселенцев (подвал, обрывки фундаментов, полов), найдены очаги, которые, к сожалению, за исключением одного, были разрушены. При этом следует отметить, что остатки очагов ни в одном случае не были отчетливо связаны с обрывками фундаментов (с жилищами).

Хорошо сохранившиеся остатки очага найдены были на границе кв. № 11 и 12, на XXVII полосе. Под этого очага, длиной в 1,00—1,20 м и шириной в 0,90 м, полностью сохранился. В юго-западной части, в том месте, где он перекрывал более древнюю яму, произошла значительная осадка. Форма пода и направление его более длинной оси свидетельствуют, что очаг ориентирован приблизительно с запада на восток и что устье его находилось в западной части. Под, имевший в плане подковообразную форму, был сделан, как обычно в эту эпоху в нашем крае, из слоя гальки толщиной в 7—10 см, перекрытого пластом глины, смешанной с песком-ракушняком, приблизительно одинаковой толщины со слоем гальки. Начиная с 20 см от восточного конца и кончая западным, центральная часть пода, в результате сработанности, была чуть ниже общего уровня. Это особенно хорошо заметно в западной части пода.

Здесь же найдены и другие остатки очагов, которые хотя и сохранились плохо, но дополняют представление об устройстве очагов на городище. На основании наблюдений можно утверждать, что нижняя часть очажного свода делалась из тонких плит сарматского известняка,

вкопанных на ребро по границе пода. Устройство верхней части свода нам не приходилось наблюдать. Но она, вероятно, устраивалась так же как и нижняя, что свидетельствуется большим количеством плоских небольших сильно обожженных плит сарматского известняка, найденных при расчистке очагов. Обычно, при расчистке очагов наряду с обожженными плитами известняка находим большие куски обожженной глиняной обмазки, что является прочным основанием для предположения, что тонкие плиты известняка скреплялись обильной глиняной обмазкой.

Остатки исследованных очагов, в основном, подковообразные и редко четырехугольные в плане. По своему устройству они близки к очагам, раскопанным на Петуховском городище²⁴. Эта близость интересна не только тем, что в обоих случаях очаги происходят из районов греческой колонизации, а и тем, что они относятся к одному времени. Но здесь следует указать и на весьма существенное различие. На Петуховском городище в двух случаях рядом с очагами найдены углубления, в которых была сложена глиняная посуда. На нашем же городище, расположенном возле с. Роксоланы, несмотря на сравнительно большое количество найденных очагов, ни одного случая существования рядом с очагом углубления для хранения керамической посуды не встречено.

Время конца существования строений, от которых сохранились строительные остатки, залегающие на глубине 1,30—1,50 м от современной поверхности в этой части городища, по существу уже определено находками в подвале «г». Находки в этом пласте в кв. 9—17, на полосах XXIII—XXIX, укрепляют датировку, намеченную находками в подвале концом III—I вв. до н. э.

Последующие пласты в этой части городища (кв. № 9—17, на полосах XXIII—XXIX) выразительных строительных остатков не дали, хотя здесь раскопана, с выходом до материка, значительная площадь (около 325 м²). В этих пластах найдены были в основном изолированные плиты известняка и только в отдельных случаях попадались небольшие бесформенные группы мелких камней. Среди камней этих пластов (1,50—2,60 м) до глубины материка встречались и отдельные квадраты хорошей тески. Обычно же плиты были слегка подтесаны. Отдельные крупные плиты иногда хорошо лежали плашмя и производили впечатление сознательно уложенных. Камни же поменьше иногда стояли на ребрах, а иногда наискосок, в основном же лежали плашмя; они представляли собой, таким образом, типичные отбросы. Значительное количество изолированных известняковых плит, в отдельных случаях со следами обработки, найдено было в пласте, залегавшем на глубине 1,75—2,00 м от современной поверхности. Грунт этого пласта отличался от грунта предыдущих и последующих пластов. Этот пласт содержал большое количество золы, углей, фрагментированной посуды и др. На всей площади городища в этом пласте сохранились следы пожара. Хотя, как уже отмечалось, он залегал в других частях городища на 10—20 см ближе к современной поверхности.

Большая площадь была раскопана в юго-западной части городища. Вскрыто около 750 м² на квадратах 20—34, на полосах XXIV—XXIX. На всей этой площади культурный слой в основном вскрыт до материка.

²⁴ М. С. Синицин. Петухівське городище. Праці Одеського державного університету, т. 149, Серія історичних наук, вип. 7. Археологічний збірник, ч. 1, стр. 21, 23, 24.

Здесь найдены сравнительно выразительные и многочисленные строительные остатки, охватывающие более продолжительный хронологический период.

К наиболее поздним строительным остаткам в этой части городища относятся фрагменты фундаментов, найденные в кв. № 20 и 21, на полосах XXVI—XXVII. На глубине 0,60—0,80 м от современной поверхности нашли завал в основном из мелких бесформенных камней. Камни по своему положению создавали впечатление выброшенных. Разобрав завал, обнаружили обрывки фундамента здания, ориентированного с запада на восток. Фундамент, залегающий на глубине 1 м от современной поверхности, сделан был из плит известняка, уложенных плашмя на спланированную поверхность. Плиты, из которых сложен фундамент, были различной величины и степени обработки. Так, западный конец южного фундамента, обозначенного на чертеже «а», состоял из четырех тесанных плит, длиной около 0,50 м, шириной 0,30 м каждая.

Далее к востоку, после полуметрового перерыва, фундамент «а» был сложен из плит поменьше, плохо подобранных и слегка подтесанных только с южной стороны. Этот фундамент, ориентированный с запада на восток и прослеживающийся на протяжении 4,5 м, в разных его отрезках сложен был из различных камней. Восточный конец фундамента «а» был разобран, и от него остались лишь две небольшие плиты. Перерыв фундамента в южной части образовался в результате того, что здесь были вынуты две плиты, по величине равные плитам западного его конца. Севернее восточного конца фундамента «а» находилась хорошо уложенная почти квадратная каменная плита, подтесанная по ребрам и плоскостям. Восточнее этой крупной плиты (0,40—0,35 м) лежала плита неправильной формы со слегка подтесанным одним ребром, явно сдвинутая с места. Восточный конец фундамента «а» и квадратная плита намечали юго-восточный угол разобранного помещения.

Северо-западный угол помещения, обозначенного на чертеже, очерчен двумя обрывками фундаментов (западного и северного) (рис. 5). Западный остаток фундамента сохранился в значительной части (1,45 от общей длины 2,75 м). Сложен он из сравнительно хорошо подобранных средней величины камней. По сохранившейся его части можно предположить, что внешние его плиты были покрупнее, а между ними на стыках с внутренними плитами пространство заполнялось мелкими. От северного фундамента сохранился его западный конец, длиной в 1,35 м и шириной в 0,50 м. Разница в фундаментах — южного (0,35 м), западного (0,30 м) и северного (0,50 м) — явление обычное для этого времени в Северо-Западном Причерноморье, в местах северных и восточных холодных ветров.

Направление обрывков фундамента «а» и местоположение почти квадратной плиты отчетливо наметили план четырехугольного помещения, длиной в 4,25 м и шириной в 3,75 м. Между обрывками фундаментов и почти квадратной плитой хорошо сохранился глинобитный пол. Западнее этого помещения, во всю его ширину, сохранился пол второго помещения. Здесь мы имеем двухкамерное жилище, от которого сравнительно хорошо сохранилась восточная камера.

Пол здания состоял из пласта утрамбованной глины, смешанной с песком-ракушняком, до 10 см толщины. Почти в центре восточного помещения находился на уровне пола очаг, вытянутый с юго-востока на северо-запад. Подковообразный под очага, длиной в 1,15 м и шириной в 0,85 м, был окаймлен небольшими плоскими плитами известняка, вко-

панными на ребро. Под очага положен на пласт насыпной гальки. Об очаге следует еще сказать, что устье его направлено к юго-востоку.

Между обрывком фундамента западной стены восточного помещения и очагом в полу находилась небольшая ямка (0,75×0,50 м), в которой обнаружена корчага, перекрытая нижней частью каннелированной амфоры. Верхняя часть корчаги и амфоры были отбиты до того, как их положили в ямку. Корчага и перекрывавшая ее нижняя часть амфоры тяжестью земли раздавлены, но все их части оказались на месте. Заполнение корчаги в верхней части состояло из чернозема, а в нижней почти из чистой золы, в которой находились детские перегорелые косточки.

Западнее описанной постройки найдены обрывки глинобитного пола жилища, другие следы которого не сохранились. В полу обнаружили ямку, глубиной чуть превышавшую 0,50 м и диаметром, близким к 0,40 м. с дном, выстланным галькой. В ямке находилось тулово остродонной амфоры, раздавленной перекрывавшей ее землей. Засыпка амфоры в верхней части состояла в основном из чернозема, а в нижней из золы, в которой находились детские пережженные кости.

Время существования построек, остатки которых мы рассмотрели, определяется прежде всего погребениями, найденными в их глинобитных полах. Корчага и каннелированная амфора связывают погребение (первое) с II—IV вв. н. э. Это же время свидетельствуется и остродонной амфорой второго погребения.

Керамические обломки, найденные на уровне пола и непосредственно под полом, иной датировки тоже не дают. Здесь найдены обломки узкогорлых каннелированных амфор, тонкостенной гончарной посуды, покрытой красным лаком низкого качества, темноглиняной лощеной, сильной и резкой профилировки.

Высказанное предположение о времени существования двухкамерной постройки и строения, от которого сохранились только обрывки глинобитного пола, косвенно подтверждается и наличием в этом пласте двух плит, поставленных на ребро. Эти сравнительно крупные известняковые плиты, обнаруженные на глубине 0,80 м от современной поверхности, являются, очевидно, остатками фундамента. Способ сооружения фундаментов из крупных плит известняка, поставленных на ребро, в нашем крае хорошо известен с эпохи поздней бронзы²⁵, местами почти забытый в эпоху античной колонизации, возрождается в Северо-Западном Причерноморье ко времени переселения народов²⁶.

Описанные строительные остатки, найденные в кв. № 13 и 14 на полосах XXIII и XXIX, на глубине 0,80—1,00 м, и строительные остатки, раскопанные в кв. № 20 и 21, на полосах XXVI и XXVII на глубине 0,60—0,80 м от современной поверхности, со всей очевидностью относятся к последнему строительному периоду на изучаемом городище.

Завал камней, обнаруженный раскопками на кв. № 23 и 24, на полосах XXVI и XXVII, представляет собой интересный материал для иллюстрации истории разрушения города в древности. Этот завал залегал в пласте, находившемся на глубине 1,00—1,20 м от современной

²⁵ Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тигуло-Березанского р-на Николаевской области, КСИИМК, № 78, стр. 80; М. С. Сицилин. Материалы до археологичної карти Хаджибейського лиману Одеської області. МАПП, вип. II, стр. 142—149.

²⁶ Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИА, 3, стр. 57, 58.

поверхности. Он полностью перекрывал квадраты № 22 и 23 на XXVI полосе. Мелкие его камни, производившие впечатление выброшенных, местами лежали небольшими кучами. Среди камней завала пять плит было крупных, из которых две найдены вкопанными на ребро; они намечали фундамент, лежавший с севера на юг. Юго-западнее плит, вкопанных на ребро, найден разрушенный очаг, направленный устьем к востоку. Между двумя плитами, вкопанными на ребро, и разрушенным очагом находились остатки глинобитного пола. В пласте, подстилавшем глинобитный пол, найден крупный обломок тонкостенного сосуда, покрытого коричневым лаком. Закономерно предположить, что здание это сооружено в конце II в. до н. э. Время разрушения этого строения определяется характером глиняной посуды, найденной при разборке завала. Обломки глиняной посуды и тары позволяют считать, что здание разобрано было в начале н. э. Глиняная посуда здесь представлена обломками гончарной и лепной сероглиняной. Среди обломков гончарной посуды встречались одиночные фрагменты и краснолаковой. Среди обломков тары попадались, главным образом, фрагменты узкогорлых амфор. Обломки корчаг были сравнительно редки.

Обилие камней в завале дает все основания думать, что здание было каменным. Стены и фундамент его сложены из необработанных известняковых плит различной величины. То, что в этом большом завале крупных плит оказалось только пять, а две из них найдены не сдвинутыми с места (они были вкопаны на ребро), свидетельствует о том, что во II в. до н. э. на нашем городище способ сооружения фундаментов, как уже отмечалось, знакомый с эпохи поздней бронзы, распространенный во время переселения народов, известен был и в последних веках до н. э.

В этом же пласте (1,00—1,20 м), в кв. № 20 и 21, на полосе XXVI найдены три небольшие завала и отдельные разбросанные камни, среди которых встречались и довольно крупные. Северо-западная часть кв. № 20 на глубине залегания завалов перекрывалась остатками глинобитного пола. В данном случае, как и в предыдущем, постройка была разобрана в древности.

В кв. № 30, на XXIV полосе, на глубине около 1 м от современной поверхности (рис. 5), найдены четыре хорошо подобранных плиты, из которых три безусловно не сдвинуты с места. Плиты средних размеров, уложенные плашмя в один ряд, представляют собой обрывок фундамента, ориентированного с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Возможно, этот фундамент будет иметь продолжение в XXIII полосе этого же квадрата.

Довольно выразительные строительные остатки найдены в пласте, залегавшем на глубине 1,10—1,40 м от современной поверхности в кв. № 27—30, на полосах XXIV—XXV. Так, частично в кв. № 27, а главным образом в кв. № 28 нашли обрывки фундаментов, обозначенных на чертеже «в» и «г». Оба фундамента были сложены из сравнительно крупных и хорошо подобранных плит известняка, уложенных плашмя. Плиты фундамента «в» подтесаны с одной северо-западной стороны, а плиты фундамента «г» имели двухстороннюю подтеску. Фундамент «в», расположенный на границе кв. № 27 и 28, ориентирован с запада-юго-запада на восток-северо-восток; он сохранился на протяжении около 3 м. Западный-юго-западный его конец сохранился лучше противополо-

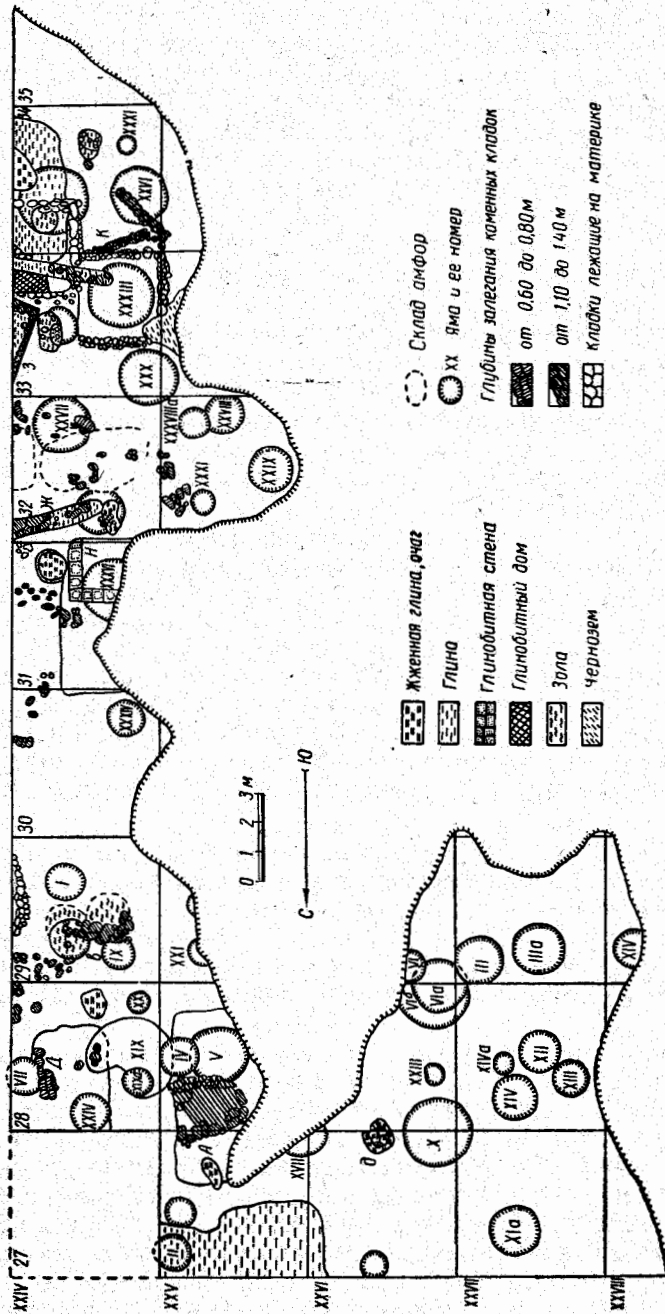

Рис. 5

ложного и плиты лежали здесь в два слоя, хотя некоторые из них сползли со своих мест. Фундамент «г», сохранившийся на протяжении 2,5 м, ориентирован был почти точно с запада на восток. Площадка между фундаментами «в» и «г» была аккуратно вымощена обломками стенок амфор и этим они связывались между собой. Сблизившиеся западно-юго-западный конец фундамента «в» и западный конец фундамента «г» связывались между собой крупной известняковой плитой, хорошо уложенной плашмя. Севернее восточного конца фундамента «г» находилась тесаная большая плоская плита. Она лежала параллельно фундаменту, а еще севернее — круглый камень.

Вымостка из стенок амфор, судя по материалу, из которого она сделана, не позволяет предположить, что она служила полом помещения, защищенного от осадков кровлей. Неразмокающий материал (амфорные стенки) и то, что поверхность им была покрыта сплошь, свидетельствует о том, что вымостка рассчитана на воздействие осадков. Она должна была предотвратить возникновение грязи во время дождей и таяния снега. Вымостка по своей форме не могла быть уличной мостовой. Сближающиеся между собой фундаменты, ограничивающие ее с севера и юга, плита с западной стороны доказывают, что эта вымостка является внутренним двориком треугольной формы.

В этом же пласте, в кв. № 28, на XXIV полосе, найдены в разных местах несколько несвязанных между собой завальных камней. Они все лежали плашмя, некоторые на линии фундамента «д», имевшего направление с северо-северо-запада на юго-юго-восток. От этого фундамента сохранился обрывок «д» из небольших, сравнительно хорошо подобранных плит известняка. Наружные ребра плит слегка подтесаны. Пустоты между плитами заполнены щебенкой и глиной. Обилие насыпной глины в местах, примыкающих к фундаменту, позволяет думать, что в данном случае не только глина использовалась для заполнения пустот между плитами, а и стены были сделаны из глины, скорее всего из глиняных лепешек. Последнее предположение подтверждается находками здесь комков глины со следами истлевшей соломы.

На этой глубине (1,10—1,40 м), в кв. 29, на полосе XXIV, обнаружен был завал камней и остаток фундамента «е», ориентированного с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Сохранился этот фундамент на протяжении 2,20 м. Ширина его равнялась 0,60 м. Сложен фундамент «е» из необработанных плохо подобранных камней, скрепленных между собой глиной. Восточный его конец разобран; западный сохранился хорошо и к нему с юга примыкает незначительный обрывок фундамента, состоящий из трех плит известняка. Фундамент «е» и указанный обрывок из трех плит четко определили северо-западный угол здания. Южнее фундамента «е» и восточнее обрывка фундамента из трех плит прослеживались местами остатки глинобитного пола.

В том же пласте, в кв. № 32, на XXIV полосе, найден остаток фундамента, обозначенного на чертеже «ж» (рис. 5). Восточно-северо-восточный его конец уходил под западный борт XXIII полосы, где раскопки не проводились. От этого фундамента вскрыто только две крупные плиты, хорошо уложенные плашмя. Ребра плит с юго-юго-восточной стороны старательно подтесаны в одну линию. Остальные камни были мелкими и, очевидно, выброшены во время разбора фундамента. Кам-

ни фундамента «ж» между собой скреплялись глиной. Глина заполняла и пустоты между камнями, а поэтому после того, как фундамент был разобран, оставшаяся глина наметила направление фундамента, его ширину и длину. Ширина фундамента «ж» равнялась 0,70 м, а длину его удалось проследить на протяжении 3,20 м. Насыпная глина, в большом количестве прилегавшая с юго-юго-восточной стороны к фундаменту, в которой встречались комья глины, позволяет думать, что стена была сложена из глиняных лепешек.

На той же глубине (1,10—1,40 м), в кв. 33, на XXIV полосе, частично был раскопан фундамент, обозначенный на чертеже «в». Он представлял собой хорошо сохранившийся угол здания, стены которого имели направление — одна с запада-северо-запада на восток-юго-восток, а вторая с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Первый фундамент раскопан только на протяжении 1 м, второй на 2,5 м. Сложен фундамент «з» из плохо подобранных, без следов обработки камней. Камни лежали в одних местах в два ряда, а в других в один. Глинобитный пол в раскопанной части помещения был сильно обожжен. В грунте, перекрывавшем пол, наблюдалась большая примесь золы, в которой встречались остатки перегорелого камыша и древесные угли.

На той же полосе и в том же квадрате и пласте (рис. 5) найден фундамент здания, ориентированный с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Этот фундамент, обозначенный на чертеже «и», удалось проследить на протяжении 3,30 м. Восточный-юго-восточный его конец уходил под западный борт кв. № 33 XXIII полосы, где раскопки не производились. Фундамент «и» разобран был в древности и нами найдено только восемь сравнительно крупных плит, лежавших на своих местах. Отмеченная выше его длина и ширина, 0,50 м, зафиксированы по следу чистой глины, которой были заполнены пустоты между каменными плитами фундамента. В грунте, прилегавшем к фундаменту «и», на глубине его залегания поражаало обилие глины, в которой попадались значительные ее комки со следами ислешней соломы. На уровне залегания фундамента встречались зола и древесные угли.

На глубине же 1,10—1,40 м от современной поверхности в кв. № 34, на полосе XXIV и частично на XXV, находился фундамент угла постройки, обозначенной на чертеже «к». Угол постройки был острым. Один обрывок этого фундамента длиной в 2,30 м имел направление с северо-запада на юго-восток, а другой длиной в 2,20 м был ориентирован с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Сложен фундамент «к» из плохо подобранных необработанных плит известняка. Камни этого фундамента казались сдвинутыми с места. Подобное его состояние, вероятно, обусловлено оседанием грунта.

Время существования построек, от которых до нас дошли обрывки описанных фундаментов, залегавшие на глубине 1,10—1,40 м от современной поверхности, можно в общих чертах определить на основании керамических находок, найденных в этом пласте. Здесь следует отметить, что явно привозной глиняной посуды сравнительно с пластами, датруемыми более ранним временем, здесь немного, а некоторые типы, свойственные позднему эллинизму, полностью отсутствуют. На городище не обнаружено мегарских кубков. Кроме того, за пять лет раскопок найдено всего лишь до десятка двухствольных амфорных ручек. В описываемом пласте этой части городища выявлены многочисленные обломки глиняной посуды, покрытой черным лаком низкого качества, редкие обломки, покрытые красным лаком, и единичные экземпля-

ры, покрытые коричневым лаком. На глубине 1,10—1,40 м от современной поверхности обнаружены одиночные мелкие керамические фрагменты, хронологически не связанные с только что упомянутыми, очевидно, перемещенные из более ранних пластов в процессе хозяйственной деятельности древних обитателей городища. Эти предметы при определении хронологии пласта брать во внимание не следует и датировать надо выше описанные строительные остатки III—II вв. до н. э.

В описываемой юго-западной части городища, на квадратах № 20—34, в пласте, залегавшем на глубине 1,40—1,80 м от современной поверхности, строительные остатки не сохранились. На близкой к указанной глубине строительные остатки не сохранились также в ранее описанных западной и северо-западной частях городища. Этот пласт во всей прилиманной части городища характеризуется вообще бедностью находок, а особенно в сравнении с пластами, залегавшими на глубине свыше 2 м. В пласте, залегавшем на глубине 1,5—1,75 м от современной поверхности, поражаало большое количество золы, углей, сильно фрагментированной глиняной посуды, мусора и др. В этом пласте даже отдельные строительные камни попадались редко.

На глубине 1,80—2,10 м в этой части городища, в пласте с сильно оподзоленным черноземом, найдены сравнительно выразительные строительные остатки. В кв. № 25 и 26, на XXVII полосе, обнаружен фундамент здания, ориентированного с северо-северо-запада на юго-юго-восток, обозначенного на чертеже «в». Длина его равнялась 3,5 м и ширина 0,40 м. Северо-северо-западный конец фундамента «в» и обрывок фундамента длиной в 1 м, направленный на запад-юго-запад, образуют северо-северо-восточный угол строения значительных размеров. В 4,75 м от северо-северо-западного конца «в» находился обрывок фундамента, длиной в 1,10 м. Он под прямым углом примыкал к фундаменту «в» и служил основанием простенку, разделявшему помещение на две камеры. Юго-юго-восточный конец фундамента «в» разобран. Этот фундамент был основанием восточной-северо-восточной стены двухкамерного здания. От юго-западной стены реальных следов не сохранилось. Фундамент положили на выровненную поверхность времени строительства. Сложили его в основном из плохо подобранных мелких плит известняка, скрепленных глиной. Крупные плиты, уложенные плашмя, так же как и мелкие, положены только на углах и с наружной стороны. Юго-юго-восточный конец фундамента «в» был уже северо-северо-западного. Фундамент простенка был сложен исключительно из мелких камней. На уровне основания фундамента «в», западнее-юго-западнее его, местами попадались части глинобитного пола. Параллельно фундаменту, главным образом, восточнее юго-восточнее его, находился пласт насыпной глины. Этот пласт, шириной около 1,75 м, достигал мощности непосредственно у фундамента 15—20 см, а дальше постепенно уменьшался. Западнее-юго-западнее фундамента «в», метрах в 4, параллельно ему, во всю его длину наблюдалось скопление насыпной глины. Следовательно, здание, остатки которого выше описаны, было глинобитным. Время гибели его определяется находками, обнаруженными на горизонте пола. Датированным материалом являются немногочисленные обломки чернолаковой посуды, покрытые лаком с графитным отблеском, среди которой встречались доньшки, украшенные штампованным орнаментом. Это здание было разрушено, скорее всего, в конце III в. до н. э.

В кв. № 20 и 21, на полосах XXVI и XXVII, на глубине около 2—2,10 м от современной поверхности, раскопаны интересные своим устройством фундаменты «г», «д», «е» и «ж» (рис. 5). Эти фундаменты были сложены из плит известняка и кирпича-сырца. Ширина их составила 0,45 м. Кирпичи имели квадратную форму и равнялись ширине фундамента. Лучше других сохранился фундамент «г», ориентированный с запада на восток, с незначительным отклонением восточного конца к северу, а западного к югу. Восточный конец фундамента состоял из одной крупной четырехугольной плиты (50,45 см), а западнее ее — сравнительно крупных с наружной стороны и из мелких плит с внутренней. Такая кладка прослеживается на протяжении 1,75 м. С наружной (восточной) стороны фундамент сложен частично из небольших тесанных плит, а в основном из кирпича-сырца. В последнем отрезке фундамента «г» вложены две крупные слегка подтесанные плиты, по длине равные ширине фундамента. Западный конец фундамента, соединяясь с фундаментом «д», образует юго-западный угол здания (рис. 5). Фундамент «д», длиной в 4,65 м, ориентирован почти точно с севера на юг. Сохранился он полностью. Сложен в основном из плит различной величины, но с наружной стороны преобладали крупные камни. Ребра плит, выходящие наружу и внутрь помещения, хорошо подобраны, подтесаны в одну линию. В северной части на протяжении чуть более метра фундамент «д» сложен полностью из кирпича-сырца. Замыкается северный конец двумя подтесанными плитами, из которых наружная значительных размеров. Северный и восточный фундаменты почти полностью разрушены. От северного сохранился след из глины и одна небольшая несдвинутая с места плита, а от восточного — след и две хорошо уложенные плиты. Вероятно, фундаменты этого квадратного здания были сложены из плит известняка и скреплены глиной, которая и показала нам местоположение фундаментов.

Чуть севернее половины фундамента «д» с внутренней стороны примыкал фундамент «е», сложенный из камней различной величины. Ребра плит, выходящие наружу, старательно уложены в одну линию и подтесаны. Скреплялись камни фундамента «е» тоже глиной. Фундамент «е», длиной в 2,25 м, расположенный почти параллельно фундаменту «г» (с некоторым отклонением к северу), оканчивался приблизительно в центре помещения и продолжение его в виде какого-либо следа не отмечено. Вероятно, фундамент «е» является основанием для простенка, разделявшего западную половину помещения на две совсем равные части.

На всей площади этого помещения сохранились остатки глинобитного пола, представляющего собой хорошо утрамбованный пласт глины, смешанной с песком-ракушняком. Пол, толщиной в 8—10 см, на всей площади помещения сохранился неодинаково. Лучше он выглядел в местах, прилегающих к фундаментам. Местами в верхней части снимался тоненькими пластинками, создавшимися в результате многократных его подмазываний.

Северо-западнее описанного здания, в кв. № 20, на полосах XXVI и XXVII, найдены остатки фундамента, обозначенного на чертеже «ж» (рис. 5). Этот фундамент, ориентированный почти точно с запада на восток, параллельно фундаменту «г», длиной в 5,5 м, сохранился на протяжении 3,5 м. Сложен он из крупных и мелких известняковых плит, среди которых встречаются отдельные равные его ширине (0,50 м). Внешние ребра плит подогнаны строго в одну линию и подтесаны. Камни

между собой скреплены глиной, остатки которой дали возможность проследить фундамент и в тех местах, где он на протяжении 2 м был разобран.

Фундамент «ж» находился в том же пласте, что и здание, остатки которого перед этим описаны, но линия его основания находилась на 5—7 см ниже. К тому же между остатками здания и фундаментом «ж» находилась полоска сильно утрамбованного и деградированного чернозема шириной в 0,75 м. В верхней части этой полоски находилось большое количество измельченных обломков глиняной посуды. Она производила впечатление дорожки. Приведенные данные позволяют утверждать, что строение, остатком которого был фундамент «ж», с описанным выше зданием связано только близостью времени их постройки.

К тому же времени, что и описанные фундаменты, относятся и две ямки, найденные в кв. № 22, на полосах XXVI и XXVII. Ямки почти круглые в плане, с диаметром около 35 см и глубиной около 25 см, были заполнены чистым морским песком. Функциональное назначение их не выяснено.

Время существования строительных остатков в этой части городища, залежавших на глубине 1,80—2,0 м от современной поверхности, определяется керамическими обломками и монетами. Среди обломков керамической посуды почетное место занимают чернолаковые. Чернолаковая глиняная посуда представлена, обычно, обломками значительных размеров, а в отдельных случаях целыми сосудами, покрытыми лаком хорошего качества. Среди крупных обломков встречались одиночные экземпляры, украшенные с внутренней стороны штампованным орнаментом. Монеты амисского, истрийского и македонского выпуска (последняя — Филлиппа II) дают право, по крайней мере, прекращение использования построек связать со второй половиной IV в. до н. э. Обломки керамической тары, в том числе и клейменной, прочно связывают этот пласт с IV в. до н. э.

В последующих пластах до глубины 2,5 м, в кв. № 27—34, на полосах XXIV—XXVIII, выразительные строительные остатки отсутствовали, за исключением ям и очагов. Находили здесь и обрывки глинобитных полов, а также остатки предполагаемых землянок. Но сохранность последних была настолько плохой, что дать описание их устройства очень трудно. Возможно, что часть предполагаемых землянок является остатком котлованов, из которых брали глину для сооружения стен. Этот вывод вытекает, главным образом, из наблюдений над современным строительством местных колхозников, у которых, как и у их древних предшественников, лес и камень в строительном деле используется в минимальных размерах, а основным строительным материалом является глина, добываемая на месте. Колхозники, возводя стены своих построек из глины, рядом с постройкой создают четырехугольный в плане котлован, в котором не только добывают глину, но и месят ее и смешивают с соломой. Закончив строительство, котлован засыпают мусором. Вероятно, так поступали и жители нашего городища в древности.

Раскопанные здесь очаги, сравнительно с ранее описанными, нового вносят мало, хотя позволяют утверждать, что своды их делались не только из плит известняка, но и из кирпича-сырца. Некоторый интерес представляют остатки очага и глинобитного пола, найденные на глубине 2,20 м от современной поверхности. Под глинобитным полом (мощ-

ностью, превышающей 10 см) с остатками очага обнаружен подвал сравнительно хорошей сохранности. Безусловно, здание, к которому относились пол и очаг, построено было, когда обитатели поселения успели забыть о существовании в этом месте каменного подвала, иначе бы они его каменные стены разобрали. Но строители учитывали рыхлость грунта, а поэтому пол сделан сравнительно крепким. Строительная площадка старательно сnivelирована и, возможно, утрямбована, что подтверждается измелченностью керамических остатков в подстилающем пол пласте.

Подвал начал вырисовываться только на глубине, близкой к 2,5 м от современной поверхности. В пластах, залегающих на глубине 2—2,5 м от современной поверхности, в грунте, состоящем из деградированного чернозема с примесью золы, количество изолированных камней было значительным, среди них попадались и квадры хорошей тески, а в одном случае хорошо обработанный камень был с шипом.

Подвал, перекрытый остатками глинобитного пола и очага, замеченный на глубине 2,50 м, занимал юго-западную часть кв. № 33, на XXIV полосе (рис. 5). Три стены этого подвала — западная, южная и северная — были обложены камнем. Вскрытие первых слоев кладки его стен показало, что камни между собой скреплены глиной, с внутренней стороны уложены в одну линию и возможно слегка подтесаны, а наружная сторона стен (примыкавшая к бортам котлована подвала) строителей совершенно не интересовала. Ребра плит, выходящие наружу, были рваными.

Дальнейшие раскопки показали, что сохранность стен подвала неодинакова. Южная стена, длиной в 2,50 м, имела высоту 1,60 м, западная, длиной в 2,95 м, сохранилась на 1 м и северная, длиной в 2,80 м, достигала только 0,55 м. Для постройки стен использовались плиты различной величины, среди которых и хорошо обработанные вторичного употребления. Камни, как уже отмечалось, скреплялись между собой глиной, но пустоты между рваными их ребрами и стенками котлована заполнялись мелкими камнями и щебенкой. Грунт с северной стороны был разрушенным почти до глубины подвала. Южная его часть в значительной степени была высечена в материке, что и обусловило сравнительно хорошую сохранность южной стены. Восточная часть подвала была высечена в материке, а поэтому каменная стена-обкладка здесь отсутствовала. Северный конец западной стены-обкладки свалился в обрыв. В северной стене, на расстоянии 1 м от восточного конца, в придонной части, на 15—20 см выступала плита, служившая ступенькой.

В глинобитном полу подвала, непосредственно под южной стеной нашли пять амфорных гнезд. В срединной части подвала, в его полу была высечена в материке яма глубиной в 1,35 м. Эта яма, обозначенная на чертеже XXXIII, имела верхний диаметр 2,25 м и нижний — 2,70 м. Дно ее равномерно и сильно обожжено. Засыпка ямы состояла из глины, смешанной с черноземом и песком-ракушняком. В засыпке содержалось большое количество амфорных обломков (учтено свыше 1000 штук). Разнообразные и интересные находки были обнаружены на дне ямы: медная истрийская монета («колесико»), бронзовая трехгранная стрела, деформированные изделия из железа, целые глиняные сосуды и др. Здесь найдены четыре надписи на черепках, из которых две совершенно одинаковые.

Яма XXXIII была составной частью подвала как хозяйственного сооружения. Материалы из ямы определили характер и время разрушения этого хозяйственного комплекса. Целые предметы, найденные в ней, дают возможность предполагать, что хозяева ее оставили внезапно, а поэтому сохранилось большое количество предметов, часть из которых дошла до нас целыми. Основная масса их была перебита в процессе одностороннего акта разрушения. Следы пожара не зафиксированы, а это позволяет предположить, что здание, частью которого был подвал и яма, просто внезапно рухнуло. В придонной части и на дне, как в подвале так и в яме, обнаружены обломки пухлогорлых амфор, которые относились к V в. до н. э. К этому же времени неоспоримо принадлежит и истрийская монета, относимая, обычно, к концу VI и V вв. до н. э. Здесь надо отметить, что многочисленные находки этого типа монет на нашем городище среди предметов V в. до н. э., а в том числе и конца его и возможно начала IV в. до н. э. не позволяют сузить хронологическую рамку разрушения этого комплекса. Кроме этого, здесь же найдены обломки чернолаковых киликов классического лака, открытые двуручных светильников, сероглиняный скифос и др. При определении времени разрушения подвала следует иметь в виду и мощность пласта (30 см) между верхними камнями стен подвала и временем сооружения постройки, от которой сохранились остатки очага и глинобитного пола, датированные IV в. до н. э. Все вышесказанное позволяет предположить, что подвал разрушен около середины V в. до н. э.

Представляет значительный интерес тот факт, что на дне ямы XXXIII и подвала (в засыпке), кроме трехгранного медного наконечника стрелы, предметы производства коренных обитателей края не обнаружены. Все найденные здесь предметы были заморского, греческого, производства. Да и сам обычай постройки жилищ с подвалами свидетельствует не столько о материальном благосостоянии, сколько о господстве греческих строительных традиций. Ведь сооружение жилищ с подвалами в доколониционное время в нашем крае неизвестно. Жилые постройки с подвальными помещениями в Северо-Западном Причерноморье становятся обычными в эпоху греческой колонизации и хорошо известны, например, в древней Ольвии и Тире.

В этой части городища в пласте, залегавшем на глубине 2,50—2,75 м от современной поверхности, кроме описанного подвала, раскопками найдены еще несколько более или менее выразительных остатков подвалов в виде четырехугольных (близких к квадрату) углублений в материке. При этом, эти остатки замечались на подходе к матерiku (в полевке времени поселения здесь греков), либо в материке.

В засыпке подвалов и ям раннего времени попадались сравнительно часто черепицы, среди которых были и чернолаковые. В подвалах и поздних ямах находки черепиц не встречались. Вообще на городище в верхних пластах черепица отсутствует, а начинает попадаться только на глубине 1,50—1,80 м и глубже.

К тому же времени, что и описанный выше подвал, относятся остатки подвала, раскопанные в кв. № 33 и 34, на полосе XXIV (рис. 6), обозначенные на чертеже «д» и «м». Каменная обкладка его стен сохранилась не везде одинаково. Она в хорошем состоянии была в юго-западной части. Северная сторона и частично южная были разобраны еще в древности. От них сохранились на месте только мелкие камни. Западная обкладка этого подвала частично служила обкладкой стены подвала, найденного в кв. № 33, восточная стена которого, высеченная

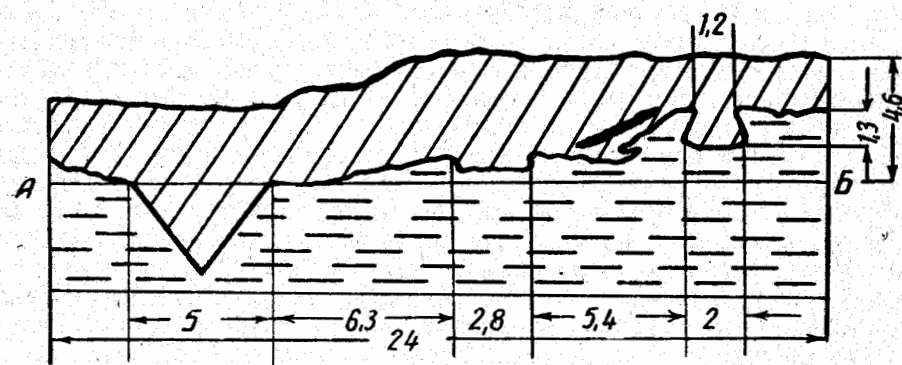
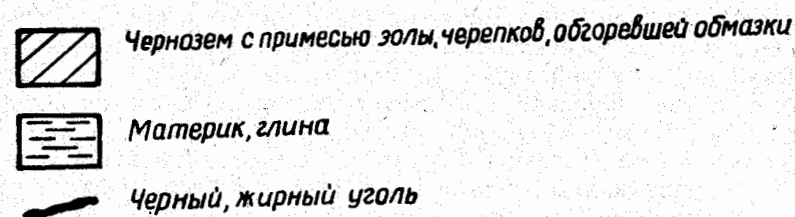

Рис. 6

в материке, как говорилось выше, в основном обкладки не имела. Обкладка стен описываемого подвала состояла из крупных и сравнительно хорошо подобранных плит известняка, старательно подтесанных с внутренней стороны. Плиты в отдельных случаях носили следы подтески и на стыках. Многие из них, безусловно, были во вторичном употреблении. Пустоты между крупными плитами обкладки и бортом котлована были заложены мелкими камнями. Камни между собой скреплялись глиной. Восточная часть этого подвала осталась нераскопанной и уходила под западный борт XXIII полосы.

Время сооружения этого подвала близко по времени строительства, но чуть раньше перед ним описанного подвала. Сказанное подтверждается соотношением их котлованов и обкладок. В то время, когда высекали котлован подвала, обнаруженного в кв. № 33, подвал, раскопанный в кв. № 33 и 34, уже существовал, что и дало возможность использовать обкладку западной стены как часть обкладки подвала, раскопанного в кв. № 33. Находки на дне подвала синхронны находкам ранее описанного подвала.

Раскопанная часть южной стены подвала, расположенного в кв. № 33 и 34, почти целиком находилась над более древней ямой. Хотя, к сожалению, яма осталась недокопанной, но в настоящее время можно сказать, что она в верхней части была перекрыта чистой хорошо утрамбованной глиной. Строителям, как видно из сказанного, существование ее было хорошо известно, что является свидетельством незначительности разрыва во времени между временем строительства и моментом, когда яма перестала выполнять свои функции и была засыпана.

Интересными для изучения строительного дела в нашем городище являются остатки подвала, найденные в кв. № 31, на XXIV полосе. На глубине 2,20 м от современной поверхности котлован его наметился в виде вытянутого с севера на юг четырехугольника, где грунт был мяг-

че, чем в рядом лежащих местах. Хорошо обрисовался он только на глубине 2,50 м. Длина котлована равнялась 5,40 м. Западная его часть свалилась в обрыв, а поэтому ширина достигала только 2,40 м (рис. 6). Этот подвал был разделен на две одинаковых величины секции. При строительстве этого подвала, в отличие от ранее описанных, основным материалом был сырец. Секции отделены одна от другой сырцовыми простенками. От южной секции подвала хорошо сохранился северо-восточный угол, обозначенный на чертеже «н». Сырцовая обкладка восточной стены южной секции подвала сохранилась полностью на протяжении 2,20 м, а простенок только длиной в 1,30 м (измерение по внутренней стороне). Ширина обкладки и простенка равнялась одному кирпичу, имевшему квадратную форму. Кирпичи, ребра которых равнялись 40—42 см и толщина 6—8 см, были положены на фундамент из камней главным образом твердых пород, не встречающихся в нашем крае. Только отдельные плиты сарматского известняка использованы при сооружении этого фундамента. Сырцовая обкладка котлована в южной части вплотную прилегала к его борту, а потом верхняя ее часть отклоняется в северном конце сантиметров на 30, нижняя же на всем протяжении плотно примыкает к борту. Возможно, обкладка в северном секторе этого подвала была каменной и ее разобрали еще в древности, в то время, когда сырцовая обкладка южной части начала отклоняться и готова была рухнуть. Этот подвал (кв. № 31, полоса XXIV) хозяева сознательно оставили, что свидетельствуется почти полным отсутствием на его полу находок. Здесь, кроме мелких обломков амфор и тонкостенных чернолаковых сосудов хорошего лака, других предметов греческого производства не найдено. Но остатки лепной посуды, которая низко ценилась, найдены в сравнительно значительном количестве, среди которых были крупные обломки. Время разрушения данного подвала определить трудно (привозный материал очень фрагментирован), хотя пласт, в котором показались сырцовая обкладка, дает право связывать его с концом V и началом IV вв. до н. э.

В юго-западной части городища, в кв. № 27—34, на полосах XXIV—XXVIII, как уже упоминалось, обнаружено было большое количество остатков очагов. Они, как правило, были плохой сохранности и чего-либо нового в представление об устройстве очагов не вносили. Исключением из этого был очаг, найденный в кв. № 31, на полосе XXIV, чуть восточнее подвала. Заметили его на глубине 2,60 м от современной поверхности. Он был подковообразной формы, длиной в 1,05 м, шириной в 0,95 м и устьем направлен на северо-запад. Высекли его в нетронутом лессе и свод старательно обмазали глиной. Свод сохранился в высоту на 25—30 см. Слабая выгнутость стенок свода позволяет предположить, что высота его равнялась 0,60—0,70 м. Под очага, слегка понижающийся к устью, имел обычное сложное устройство. Собственно он представлял собой слой хорошо утрамбованной смешанной с песком глины и был равномерно и сильно обожжен. Мощность собственно пода была незначительной, она достигала 2 см, но его подстилали несколько пластов. Сначала был подстил из амфорных черепков, далее из мелкой гальки и, наконец, из чистого кварцевого песка. Подстилающие под очага пласты были приблизительно одинаковой мощности и достигали 8—10 см. Сильно обожженный под свидетельствует, что температуру в этом очаге (печи) подымали высоко. Но функциональное назначение этой печи непонятно. Безусловно, эта печь не предназначалась для варки пищи, что подтверждается сложностью устройства пода, при строи-

тельстве которого использован был не встречающийся в этих местах кварцевый песок, и легким наклоном его к устью печи. Находки же, которые могли бы указать на функциональное назначение печи, при ее зачистке и в прилегающих к ней местах не найдены. Хотя встречались гончарные сосуды (в крупных обломках), деформированные в процессе обжига.

В этой части городища, как и в других, что уже отмечалось, раскопками обнаружено значительное количество котлованов, в плане по форме приближающихся к квадрату либо четырехугольнику. Борты этих углублений обычно были неровными, а иногда зигзагообразными, что объясняется не только их осыпанием, а и первоначальным состоянием. Глубина их редко превышала 1 м, а по площади они, как правило, были значительные (20, 30 и более м²). Дно этих котлованов обычно было неровным. Возвышения иногда находились в срединной части, а иногда у бортов.

Некоторый интерес представляют четкие следы котлованов, обнаруженные в кв. № 26, на полосах XXVI, XXVII, XXVIII. Общие очертания всех трех котлованов замечены были на глубине 2,90 м от современной поверхности. О времени возникновения этих котлованов что-либо сказать невозможно, а засыпаны они были в V в. до н. э., что свидетельствуется находками. В засыпке найдены бронзовая монета г. Истрии («колесико»), обломки чернолаковой посуды классического лака, пухлогорлой амфоры, а также лепной посуды, по своему облику тяготеющей к V в. до н. э. Засыпка всех трех котлованов производилась в разное, но близкое между собой время. Она состояла из чернозема, глины и золы, расположенных нечетко выраженными пластами, выгнутыми дугообразно книзу тремя участками: западным, восточным и центральным. Возможно, центральный котлован выкопан раньше других и служил какое-то время жилищем. Последнее подтверждается наличием примитивного очага, высеченного в лессе в северном борту этого котлована. Под очажка состоял из нетронутого лесса, обмазанного глиной. Свод его сделан был так же, как и под. Дно центрального котлована, состоящее из нетронутого лесса, создавало впечатление некоторой затрамбованности. Центральный котлован расположен чуть южнее восточного и западного. Осыпание северных бортов котлованов стало причиной того, что они сравнительно плавно слились между собой. Очаг центрального котлована выступал к югу небольшим мыском.

В восточной части городища раскопки по-настоящему велись только в 1961 году, когда бульдозером был сделан шурф, которым перерезали «припухлость», ограничивающую городище с востока. Шурф длиной в 35 м и шириной в 5 м сделали в кв. № 3, на полосах I, II, III, IV, V, VI и VII. Предполагалось шурфом, перерезав под прямым углом припухлость, получить разрез крепостной стены и рва. Существовало мнение, что крепостная стена сделана из камня, либо сырцовая, покрытая панцирем из крупных блоков. Эти предположения возникли в результате находки в 1957 г. пробными раскопками в кв. № 4, на VI полосе, двух хорошо обработанных известняковых блоков²⁷. Один из них имел длину, равную 1,50 м, ширину — 0,80 м и толщину — 0,35 м, а другой был такой же ширины и толщины, но почти в два раза короче. Эти два мощные блока, напоминавшие блоки крепостной стены древней Ольвии, вряд ли могли быть остатками жилищного строительства.

²⁷ М. С. Синицын. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. ЗОАО, т. I, стр. 199.

Разрез, созданный шурфом, пересекающим оборонительную систему городища, показал, что в этом месте мощность культурного слоя достигала 4 м. В верхних пластах культурного слоя, перекрывавших древний крепостной ров, найдены обломки узкогорлых амфор, корчаг с плоскими ручками, краснолаковой посуды и посуды сероглиняной, а в засыпке, непосредственно перекрывавшей крепостной ров, попадались обломки чернолаковой посуды, покрытой лаком различного качества. В позднее время, на последних этапах существования городища, крепостной ров был забыт и в пласте, перекрывавшем ров, в разрушенном грунте сделаны были хозяйственные ямы.

Разрез рва представлял собой треугольник, опрокинутый вершиной книзу. Каждая его сторона равнялась пяти метрам. Высечен он был в материке и его скользящая поверхность, склоны, старательно были обработаны (рис. 6). Засыпка рва состояла из сильно деградированного чернозема, смешанного с золой. В засыпке изредка встречались обломки сильно фрагментированной керамической посуды. Среди многочисленных обломков посуды, найденной здесь, почетное место занимали обломки амфорных стенок, ручек и ножек. Найдены были ручки круглые и овальные в сечении. Бытовая посуда была представлена мелкими обломками лепной и сделанной на гончарном круге. Среди гончарной посуды встречались сильно измельченные обломки чернолаковой посуды, покрытые лаком хорошего качества. Можно предположить, что крепостной ров перестал выполнять свои функции, вероятно, около середины IV в. до н. э. и был засыпан в конце этого столетия.

Надежды найти в срезе шурфа основание крепостных стен не оправдались. Возможно, основанием стен была поверхность времени строительства, а именно площадка, примыкавшая с западной стороны к крепостному рву, заселенная только в начале III в. до н. э. Срез, созданный шурфом, позволяет предположить, что в отличие от крепостной стены на Петуховском городище²⁸, в данном случае крепостная стена, вероятно, расположена была непосредственно возле рва, но доказано это предположение будет только тогда, когда будут найдены выразительные остатки оборонительных сооружений.

С целью проверки фактов, которые наблюдались на шурфе, перерезавшем крепостной ров, заложен был раскоп в северо-восточном углу городища, на линии крепостного рва и предполагаемой крепостной стены. В этом месте припухлость, ограничивающая городище с восточной стороны, была более ощутимой. Новый раскоп был начат на кв. № 12а—15а, на полосах VI—VIII (рис. 7).

Этот раскоп дал яркие доказательства того, что на грани нашей эры и в начале ее в местах, которые в древние времена были густо заселены, жизнь была не менее интенсивной. Так, в сильно задернованном пласте нашли остатки кладки (фундамент) последнего этапа жизни на городище. Эта кладка, ориентированная с северо-запада на юго-восток, сложена из сравнительно хорошо подобранных плит известняка. В кладке заметна тенденция подбора более крупных плит для наружных ее частей, а для внутренних — более мелких. Кладка длиной в 6,75 м и шириной в 1 м сохранилась не везде одинаково. В отдельных ее частях плиты лежали в пять слоев, в других в один, а местами она совсем преры-

²⁸ М. С. Синицын, Петухівське городище. Праці Одеського державного університету, т. 149. Серія історичних наук, вип. 7. Археологічний збірник, ч. I, стор. 16—23.

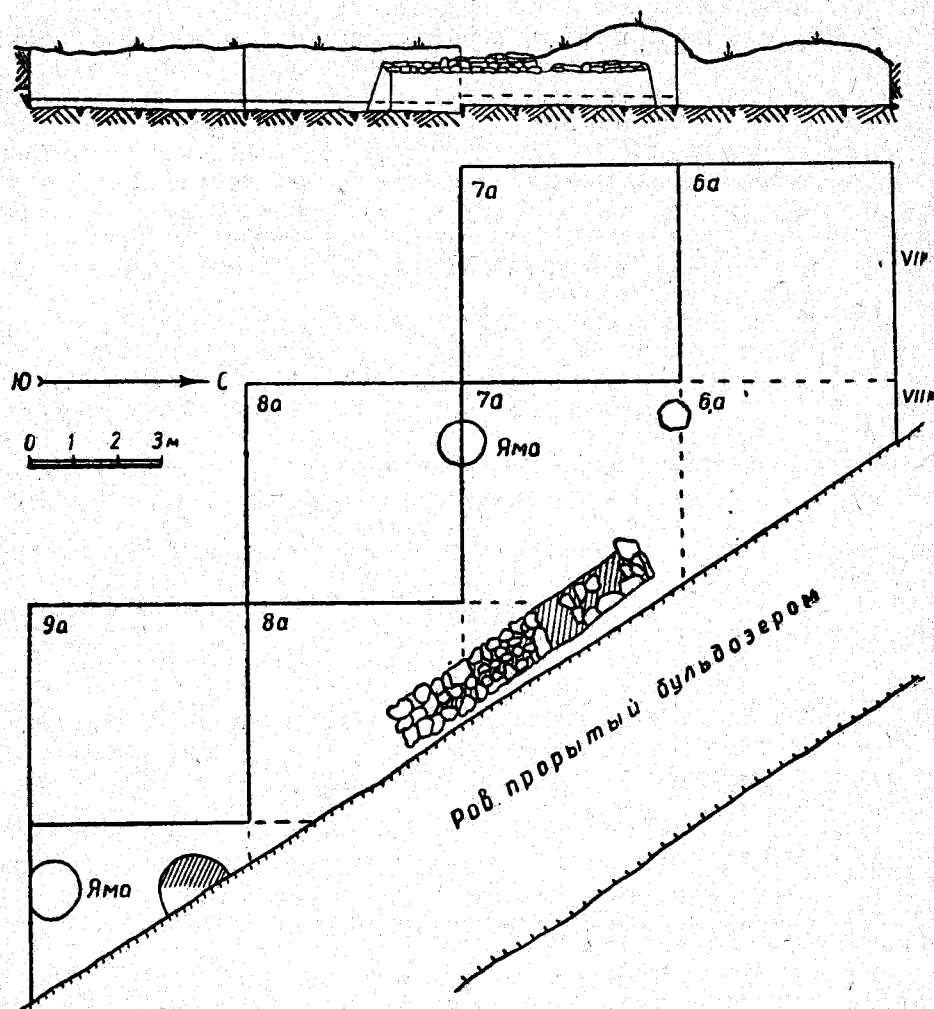

Рис. 7

валась. Камни, как обычно, между собой скреплялись глиной. Но необычной в этой кладке была ширина (1 м). Она в два раза превышала нормальную ширину кладок фундаментов этого городища. Западнее этой кладки, на уровне ее основания, находился большой разрушенный очаг, связанный с кладкой глинобитным полом. Очаг и глинобитный пол возле него были сильно разрушены в результате осадки древней ямы, которую они перекрывали. Устройство пода обычное: пласт обожженной глины с песком, подстланный галькой. Под очага был перекрыт мощным скоплением чистой золы, в которой найдены обломки жаровни с диаметром, приближающимся к 1 м. Аналогичные жаровни нам известны из раскопок на Петуховском городище, где из найденных двух жаровен одна обнаружена в культовой яме²⁹. Необычность ширины кладки, находка

²⁹ М. С. Силицин. Петухівське городище. Праці Одеського державного університету, т. 149. Серія історичних наук, вип. 7, стор. 25.

связанной с ней жаровни не позволяют считать ее обрывком фундамента жилой постройки. Мощность стены в 1 м и наличие жаровни наталкивают на мысль, что в данном случае имеем дело с остатками культового сооружения, хотя для полной уверенности в этом фактов очень мало.

На уровне основания описанной выше кладки, на глубине 1 м от современной поверхности, замечены четыре ямных пятна. Зачистка этих ям показала, что все они выкопаны в рушенном грунте, а поэтому сохранность была плохой, хотя на бортах их в отдельных случаях наблюдались остатки обмазки. Строители этих ям, выкопанных в насыпи, перекрывающей остатки оборонительных сооружений, учитывали рыхлость грунта, и ямы делались незначительных размеров. Все они были почти цилиндрической формы, глубиной от 1 м до 1,85 м. Верхние и нижние диаметры отдельных ям были почти одинаковыми, но ямы между собой по диаметрам сильно различались (1,40—2,00 м). В засыпке были обычными находки обломков узкогорлых, каннелированных амфор, краснолаковой посуды различного качества, а также сероглиняной гончарной и лепной. Гончарная сероглиняная посуда была представлена, главным образом, обломками небольших тонкостенных сосудов с хорошо выточенной поверхностью сложной и сильной профилировки. Лепная посуда была представлена обломками сосудов различной величины, сделанных из грубого теста, сильно и сравнительно резко профилированных.

В свете приведенных фактов стало очевидным, что в последних столетиях до н. э. и в начале н. э. до прекращения жизни на городище, места разрушенных и забытых укреплений не только не были заброшены, а интенсивно использовались как территория жилых кварталов.

Немногочисленные находки фрагментированной керамической посуды находили и на противоположной стороне ложбины, ограничивающей городище с востока. Наличие здесь пятен с оподзоленным грунтом обусловили закладку в этом месте контрольного шурфа (5.5). Раскопками на этом шурфе обнаружены остатки жалкого каменного фундамента и небольшого количества обломков узкогорлых амфор и сероглиняной посуды, гончарной и лепной. Эти находки позволяют отнести жилища, расположенные вне городища, к последнему этапу жизни на поселении.

Раскопками 1957—1961 гг. на городище возле с. Роксоланы обнаружено большое количество ям (свыше 100). Ямные пятна замечались на различных глубинах от современной поверхности, но не меньше 1 м. Часто ямному пятну предшествовало пятно рыхлого грунта, возникшее в результате осадки засыпки ямы. Отмечены случаи, когда более поздняя яма врезалась в сравнительно раннюю либо они только соприкасались в нижних частях. Встречались ямы со срезанными верхними частями в процессе хозяйственной деятельности еще в древности, и от них сохранились только придонные части.

Многочисленные ямы, найденные на городище, можно по формам разделить на три группы. Наиболее распространенной была группа ям, имевших почти прямые, постепенно сближающиеся кверху между собой стенки. Дно во всех ямах этой формы было плоским и в отдельных случаях покрытым слоем глиняной обмазки. Встречались ямы этой формы со следами обмазки не только на дне, но и на стенках. Иногда их стенки и дно были хорошо обожженными. Вторая по количеству группа объединяет ямы строго цилиндрической формы с плоским дном. Среди ям этой формы также встречались ямы со следами обмазки стенок и дна,

а также обожженности. К третьей группе относятся ямы со стенками, мягко сближающимися между собой в верхней части. Донья ям этой группы были узкими и широкими, а горловины сравнительно узкими. Встречались ямы этой формы с горловинами, обложенными камнями по кругу, и устьями, перекрытыми плоскими плитами.

Засыпка ям состояла из чернозема или глины, к которым в большем или меньшем количестве была примешана зола. Засыпка весьма редко состояла из чистого чернозема либо глины, а обычно из чернозема, смешанного с глиной. Распространена была засыпка, состоявшая из слоев чернозема и глины с примесью золы и глины. В засыпке ям встречались камни, кости животных, обломки глиняной посуды, целые и фрагментированные амфоры, изъеденные ржавчиной изделия из железа, предметы и украшения из бронзы и др. Раскопаны были ямы, в которых на дне находились целые вещи: посуда, разрушенные ржавчиной серпы; ножи и даже припрятаны монеты, наконечники бронзовых стрел и др. В ямах, засыпанных чистым черноземом, обычно находки материальной культуры отсутствовали, но в них, в придонной части и на дне, находили остатки прелого проса и, вероятно, ячменя и пшеницы. В ямах найдены обломки и целые глиняные сосуды таких времен, от которых выразительные строительные остатки пока что не найдены и к тому же они сравнительно многочисленны и разнообразны. Подтверждением сказанному может служить глиняная посуда VI и V вв. до н. э., найденная в ямах.

Кроме описанных строительных остатков, раскопками за пять лет на городище возле с. Роксоланы найдены и другие остатки материальной культуры древних обитателей этих мест. Среди находок следует отметить прежде всего обломки посуды и тары, в количественном отношении занимающие первое место. Наряду с обломками на городище найдены были и целые предметы, изготовленные из глины, среди которых на первом месте по количеству были амфоры. Обычно количество амфорных обломков в одном 15 см пласте квадрата (5.5) равнялось 500—700 обломкам, а в отдельных случаях превышало 1000. Но раскопками на городище обнаружены не только отдельные целые амфоры, а и склады. Амфоры и их обломки, найденные на городище, происходили из различных греческих центров, что свидетельствуется их формами, глиной и клеймами. При этом следует отметить, что в нижних пластах сравнительно многочисленными были пухлогорлые (хиосские), а в верхних узкогорлые амфоры и амфоры с двухствольными ручками фактически отсутствовали. Количество обломков пифосов, сравнительно с находками их на других античных памятниках Северного Причерноморья (Ольвии, Тира) на городище возле с. Роксоланы было незначительным. В верхних пластах были обычными находки обломков корчаг с плоскими ручками, на высоких поддонах.

Глиняная посуда, сделанная на гончарном круге, неоспоримо заморского производства, была представлена в основном обломками, хотя встречались и целые сосуды как чернолаковые, так и простые сероглиняные. Среди чернолаковой посуды, в основном фрагментированной, были обломки ионийских, а также чернофигурных и краснофигурных сосудов. Очень мелкими и малочисленными были обломки коринфских и навкратийских сосудов.

В пластах, относимых к V и первой половине IV в. до н. э., найдены обломки и целые сосуды с хорошей краснофигурной росписью. Основная масса посуды этого вида сделана ремесленниками. Расписная

глиняная посуда в пластах, относимых ко второй половине IV в. до н. э. и III в. до н. э., была малочисленной.

Греческая расписная глиняная посуда, найденная в пластах, относимых к позднему эллинизму (конец III, II и I вв. до н. э.), была крайне малочисленной и невыразительной. Среди нее совершенно отсутствуют некоторые виды, характерные для античных городов Северного Причерноморья позднеэллинистического времени. На городище за пять лет раскопок не найдено ни одного обломка «мегарских» кубков, обычных среди находок в эллинистических пластах Истрии, Тиры, Ольвии, Пантикапея и других греческих городов Северного Причерноморья.

В пластах, относимых к первым столетиям нашей эры, обломки керамической посуды заморского производства невыразительны и малочисленны. Изредка встречались обломки краснолаковых мисочек и в одном случае найден обломок краснолакового сосуда, украшенный рельефным орнаментом в виде грозди винограда с листьями. Незначительную роль играла краснолаковая посуда и во II—III в. н. э., что свидетельствуется ничтожным ее количеством в пластах, относимых к этому времени.

Наряду с чернолаковой и краснолаковой посудой раскопками на городище возле с. Роксоланы найдены многочисленные обломки и целые сосуды, сделанные из хорошо отмученной серой либо желтой массы. Среди этого вида гончарной посуды почетное место занимала посуда, обычно в археологической литературе называемая кухонной. Она широко известна из раскопок городов Северного Причерноморья. Часть этой посуды безусловно производилась на месте, хотя нами пока что гончарная мастерская не найдена. Но находки на городище крупных обломков гончарной посуды, деформированных до обжига, являются убедительным доказательством производства ее на месте. Обычно этот вид посуды делался из крупно-зернистой ровной массы (желтоглиняная посуда), а иногда из тончайшего теста (сероглиняная посуда). Сероглиняная посуда, сделанная из глины тончайшего отмула, на нашем городище часто была представлена обломками со следами скрепления (в виде дырочек), что является свидетельством ее значительной ценности. Эта посуда, подобно чернолаковой, выбрасывалась с неохотой. Она скорее всего в эти места привозилась из-за моря.

Лепная посуда, обнаруженная на городище раскопками в 1957—1961 гг., не во всех пластах была представлена одинаково. В нижних, как уже отмечалось, находили незначительное ее количество. В отдельных случаях (в отдельных двадцатисантиметровых пластах) на площадях квадратов (5.5 м) находили по 3—5 фрагментов лепных сосудов. Резко возрастает их процент в пластах, датируемых второй половиной IV и III вв. до н. э. В пластах, относимых к грани н. э. и первым столетиям н. э., лепная глиняная посуда среди бытовой посуды занимает ведущее место. На лепной посуде из городища возле с. Роксоланы отчетливо прослеживается (по формам и орнаментам) генетическая связь лепной посуды эпохи античной колонизации в нашем крае с посудой времени поздней бронзы. Особый ее интерес состоит в том, что она некоторыми своими чертами связана с лепной посудой из Нижнего Побужья, а в других случаях она воспроизводит формы и орнаменты лепной посуды из Подунавья. При этом следует отметить, что в нижних пластах более ярко выступают черты, свойственные Побужью, а в верхних — Подунавью.

Кроме упомянутых глиняных сосудов, древние обитатели городища широко пользовались другими предметами из глины. В их быту были обычными рыбные блюда. Попадались блюда, сделанные ручным способом из местной глины. В нескольких случаях найдены обломки жаровен, а также целые жаровни весьма значительных размеров, диаметр которых иногда достигал 0,80 м. Во время раскопок довольно часто находили обломки глиняных цедильников, крышек и другие изделия из глины.

Во всех пластах городища широко представлены конусообразные глиняные пряслица. Встречались, хотя очень редко, и орнаментированные вдавливаниями круглой палочки по сырой глине. Малочисленными были пряслица цилиндрической формы. Грузила обычно изготавливались из амфорных стенок, но попадались также изготовленные из ножек амфор. Распространенными были грузила для рыбацких сетей, имевшие почти правильную форму пирамидок. В нескольких случаях их находили только сформированными, но не обожженными.

Многочисленными на городище были находки светильников, как за-морского производства, так и местного. Хорошо здесь представлены светильники греческого производства, найденные в пластах, относимых к V и первой половине IV вв. до н. э. Количество же их в позднеэллинистических пластах незначительное. Лепные светильники, бесспорно местного производства, попадались во всех пластах. В нижних пластах количество их было минимальным, а начиная с пластов, датированных второй половиной IV в. до н. э. и более поздних, довольно значительным. Основная масса лепных светильников по форме, хотя и весьма отдаленно, была подражанием греческим светильникам соответствующих столетий. Обычными были и светильники, не связанные с греческими традициями, напомиравшие по форме плоскодонные ладьи.

Черепиц на городище найдено немного. Ни в одном случае их не находили в сплошных завалах, как это часто бывает, например, в Истрии, Тире, Ольвии и других греческих городах-колониях. Все черепицы, найденные на городище, были одиночными, при этом в пластах, относимых к позднему времени, почти отсутствовали. Среди черепиц, найденных в нижних пластах, встречались, хотя и весьма редко, и чернолаковые. Клейменная черепица отсутствовала.

Из камня делались различные предметы. Для каменных поделок использовали как местные породы, так и заморские. Последние завезены в эти места, в основном, как балласт кораблей, совершавших рейсы из греческой метрополии в Днестровский лиман. Это предположение подтверждается распространенностью на городище валунов, хорошо обкатанных водой. Среди изделий из камня обычными были грузила различной величины и формы. Каменные грузила встречались с перехватами (архаические) и отверстиями (более поздние) для крепления их к рыбацким сетям. Многочисленными были точила различной величины, изготовленные из песчаника. Часто они представляли собой со всех сторон палочки со следами значительной изношенности, длиной в 10—15 см и толщиной в 1—2 см. В двух случаях найдены обломки мраморного лутерия значительной величины.

Из камня изготавливались разного рода зернотерки, корыта и другое. Обычными были круглые хорошо обработанные камни, с диаметром в 5—7 см, которые могли служить пулями для арканов и камнями для пращей.

Обитатели городища для разного рода поделок в значительных

размерах использовали железо, медь и олово. Из железа изготавливали серпы, ножи, гвозди, наконечники копий и дротиков. В одном случае найден был чистик для очистки плуга либо сохи от прилипавшей к ним земли. Найден разрушенный ржавчиной сошник. Бытовые ножи делались с горбатыми спинками и костяными ручками. В отдельных случаях ручки ножей были деревянными. Боевые ножи, как правило, были прямыми. Из меди и бронзы делали: застезки, перстни, колечки, браслеты, наконечники стрел и др. Из бронзы же сделано скульптурное изображение голубя. Изделия из олова представлены только скобочками для скрепления разбитых дорогостоящих чернолаковых, а в отдельных случаях и сероглиняных сосудов. Изделия из серебра представлены пока одним перстнем.

Раскопками 1957—1961 г. на городище возле с. Роксоланы найдено 205 монет различных эпох и центров античного мира. Монеты, найденные на городище, были в основном медными и только 5 из них — серебряными. Среди серебряных монет 2 истрийских первой половины IV в. до н. э., одна амисская и одна македонская — обе IV в. до н. э. Одна серебряная монета римская III в. н. э. и одна каллатийская IV в. до н. э. Медные монеты на городище, в основном, представлены истрийскими «колесиками» (около 85%) из всего числа. Почти все монеты найдены в пластах, определяемых V и первой половиной IV в. до н. э. По количеству второе место после истрийских занимали ольвийские монеты, среди которых 4 ранних асса, больше десятка дельфинчиков и одна монета с изображением Деметры. Интересно, что ни одного ольвийского борисфена на городище не найдено, хотя В. И. Гошкевичу они известны были из этих мест. Монеты рядом расположенной древней Тиры пока что представлены 8 экземплярами.

В пласте, относимом к началу нашей эры, найдена одна гиря, имевшая форму четырехугольной пластины.

Предметы искусства, собранные на городище за пять лет раскопок, представляют собой, в основном, глиняные статуэтки. Они находимы были во всех пластах. Статуэтки, относимые к VI—IV вв. до н. э., обнаружены раскопками в нижних пластах, наиболее многочисленны и тяготеют к ионийскому и аттическому кругам. Среди терракот эллинистического времени и эпохи римской экспансии в Северном Причерноморье ведущее место на нашем городище занимали статуэтки местного производства с местными мотивами.

Эпиграфический материал, собранный на городище за 5 лет, представлен большой группой амфорных клейм и значительным количеством надписей на амфорах, сделанных краской (остракограмм). Среди амфорных клейм, которых за этот отрезок времени найдено на городище свыше четырехсот, гераклейские по количеству занимают первое место, фасосские — второе, синопские — третье и херсонесские — четвертое. Родосские клейма, обычные в находках Ольвии и близлежащей Тире, практически на городище возле с. Роксоланы отсутствуют.

На городище за время раскопок собрано большое количество надписей на черепках (граффити — около 50 экземпляров). Это в основном отдельные буквы либо их группы, хотя имеются и несколько граффити, хорошо читаемых, посвященных Зевсу. Надписи на мраморе представлены всего лишь одним фрагментом, на котором хорошо видна только одна буква.

Подробно описанные строительные остатки и другие находки из го-

родинища возле с. Роксоланы, обнаруженные за пять лет полевых исследований, дают основания для некоторых выводов общего порядка. Эти выводы, возможно, изменятся, расширятся и углубятся в результате последующих раскопок.

В настоящее время можно уверенно сказать, что экономической основой жизни населения городища было пашенное земледелие. Это подтверждается не только косвенными, но и некоторыми прямыми доказательствами. Прежде всего, на значение земледелия указывает обилие зерновых ям, в которых довольно часто находили остатки проса, хотя (предположительно) встречались остатки ячменя и пшеницы. На пашенное земледелие указывает и большая распространенность среди находок на нашем городище различных орудий труда для переработки зерна в муку. Большое количество обломков железных серпов, найденных на городище, является прямым ярким свидетельством значительности посевных площадей, подлежащих уборке. Такие площади можно было создать только применяя плуг с железным лемехом, от которого нами найден железный чистик и разрушенный ржавчиной лемех или сошник.

Господствующее положение вола и коровы в стаде крупного рогатого скота, который использовался древними роксоланцами, главным образом как тягловая сила, большое количество мелкого рогатого скота (овцы и козы) указывают на важное место мясной пищи в питании поселенцев с. Роксоланы. Широкие черноземные степные просторы, прилегающие с востока к Днестровскому лиману, будучи распаханными и засеянными, давали достаточные урожаи хлебов, а нераспаханные обеспечивали кормами скот.

В питании обитателей городища безусловно значительное место занимали продукты рыболовства³⁰. Это подтверждается прежде всего находками многочисленных костей рыб и рыбьей чешуи, а также большого количества рыбных блюд. Среди костей рыб, встречающихся на городище, часто попадались кости красной рыбы. На значение рыбного промысла в жизни населения городища указывают многочисленные находки рыболовных крючков. Медные рыболовные крючки предназначались для ловли разных видов рыбы, что свидетельствуется их неодинаковым устройством и величиной. На это же в какой-то мере указывает и разнообразие рыбацких грузил. Кроме рыболовецких крючков и грузил, раскопками на городище найдена и обугленная, свернутая в комок сеть.

Население питалось такими основными продуктами как хлеб, мясо, жиры, молоко и рыба. Находки на городище косточек винограда делают закономерным предположение, что основные потребности в вине разрешались на месте. Хотя никаких подтверждающих фактов нет, но на основании аналогий с греческими городами Крыма можно предположить, что потребности в овощах и фруктах также разрешались на месте. Находки раскопками на городище косточек маслин дают основание полагать, что некоторые продукты питания привозили из Греции, но это были, скорее всего, только лакомства. Вероятно, такая же роль в питании была и оливкового масла, привозных высококачественных вин и др.

О ремесленной деятельности жителей городища в настоящее время

³⁰ А. С. Семенов-Зусер. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947, стр. 10.

что-либо сказать трудно, но некоторые, хотя и немногочисленные факты, зафиксированные на городище, позволяют высказать некоторые утверждения и предположения. Совершенно очевидно, что горожане занимались прядением и ткачеством и что в городе существовало гончарное ремесло. Это хорошо подтверждается находками пряслиц, ткацких грузил и деформированными до обжига гончарными глиняными сосудами. О существовании мастерских по обработке металлов можно говорить только предположительно на основании находок шлаков в кв. № 1а и 2а, на полосе XXVII.

Поселение у с. Роксоланы, которое, возможно, на позднем этапе называлось Офиусой³¹, основано в VI в. до н. э., что подтверждается находками многочисленных фрагментов сосудов ионийского круга и чернофигурных аттических обломков. Первый период существования городища продолжается до середины IV в. до н. э., когда оно было разрушено до основания. Во время этого события были разрушены и его укрепления, о времени сооружения которых пока что нам ничего не известно. Этот период можно разделить на два отрезка. Первый этап характеризуется находками фрагментов гончарной посуды—ионийской, навкратийской и коринфской. Наряду с ними в пластах, относимых к VI в. до н. э., встречались и обломки посуды аттического круга. В пластах, датированных V в. и первой половиной IV в. до н. э., безраздельно господствует гончарная посуда аттического круга. Оба отмеченные отрезка времени объединяются между собой незначительным количеством предметов производства коренных обитателей края. Керамика, строительное дело являются греческими. Среди предметов производства коренного населения почетное место занимает лепная глиняная посуда, которая, возможно, частично изготовлялась и греками, но в основном являлась продукцией коренных обитателей края. Последнее подтверждается формами и орнаментами, генетически связанными с формами и орнаментами доколониционной поры. Лепной посуды в пластах, относящихся к VI и первой половине IV вв. до н. э., тоже было немного. В отдельных квадратах в одном пласте ее находили 3—5 обломков, в других ее количество достигало 10—15 штук.

Количественное господство среди керамических находок обломков посуды аттического круга делает закономерным предположение об интенсивных связях жителей городища с Атикой. Но на городище, как мы помним, в V и первой половине IV в. до н. э. отсутствовали монеты аттического чекана, а господствовали монеты г. Истрии. Это позволяет утверждать, что жители городища экономически были связаны, главным образом, с удаленной Истрией. Ближе лежащая к нашему городищу Ольвия экономически с ним связана мало, и еще меньше рядом расположенная Тира.

В первой половине IV в. до н. э., вероятно, близко к середине, городище было разрушено, что свидетельствуется следами пожарищ, разрушением укреплений и др. Город восстановился довольно быстро, но все стало беднее. Укрепления его не были восстановлены, а крепостной ров был засыпан.

Разрушение изучаемого города около половины IV ст. до н. э. трудно связать с какими-либо событиями, зафиксированными в письменных

³¹ М. С. Синицин. Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гірами П. Бугу і Дністра. МАП, III, стр. 18—24.

источниках, за исключением движения, которое возглавлял Атей. Это разрушение, вероятно, хронологически близко к началу объединительного процесса, который вначале мог происходить и не под руководством Атея, которому в то время было 35—40 лет. Продвижение скифов от Днестра до Добруджи, о котором письменных источников не сохранилось, могло продолжаться около 40—30 лет. Археологические памятники между Днестром и Дунаем не изучены, а поэтому здесь можно только высказать предположения. Вероятно скифы, объединенные Атем, продвигаясь со своими стадами и семьями по территории Днестро-Дунайского междуречья, где уже, очевидно, существовали местные политические объединения, вынуждены были преодолевать сопротивление не только организованных сил, но и неорганизованных. За время от разрушения городка, расположенного на восточном берегу Днестровского лимана, до появления их в Добрудже (335—334 г. до н. э.), они должны были преодолеть пространство 150—200 километров, форсировать крупный водный рубеж Днестр и ряд мелких рубежей.

Закономерно на данном этапе изучения нашего городища и другое предположение. Фукидид, объясняя соотношение сил накануне Пелопонесской войны, указывает на города Западного Причерноморья как на союзников Афин³². Но города Западного Причерноморья, а тем более Северного Причерноморья, находившиеся на далекой окраине греческого мира, по сути не принимали участия в этой продолжительной и кровопролитной войне. Возможно, военные события коснулись городка, расположенного возле с. Роксоланы, во время, близкое к восстанию в Византии. Допустимо, что он был разрушен во время экспедиции Фрасибула в 389 г. Но обе эти даты, судя по вещественным памятникам времени разрушения, являются слишком ранними. Все перед этим сказанное позволяет предположить, что интересующее нас разрушение изучаемого городища связано с движением Атея.

Второй период, тянувшийся с последней четверти IV в. до н. э. до конца III либо начала II ст. до н. э. (как уже отмечалось, в это бурное время городок стал открытым поселением), характеризуется иным составом находок. Значительно возрастает процент лепной посуды. Чернолаковая посуда аттического круга продолжает занимать в количественном отношении ведущее место среди посуды заморского производства. Наряду с чернолаковой посудой низкого качества изредка попадались обломки краснолаковой, хорошего лака, встречались отдельные обломки, покрытые коричневым лаком. Количество монет, найденных в пластах, относимых ко второй половине IV и III в. до н. э. ничтожно, да и найдены они в яме, связанной с пластом, перекрывающим пожарище³³.

Поселение в конце III в. до н. э. либо в начале II в. до н. э. претерпело вторичное страшное разрушение. После этого разрушения жизнь восстанавливалась очень медленно. Некоторая интенсификация жизни на поселении наметилась во второй половине I в. до н. э. На грани и в первых веках нашей эры была заселена не только территория городища, но и места, где в прошлом находился крепостной ров и за граница-

³² SC, I, 80.

³³ М. Г. Вязьмитина. Поселения біля с. Золота Балка. Археологія, т. XI, стр. 120, рис. 5; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре, МИА, 64, стр. 131, рис. 10.

ми городища на склонах балки, ограничивающей городище с юго-востока. Поселение в начале нашей эры раздвинуло свои границы.

В быту жителей поселения ведущее место занимают предметы, изготовленные на месте. В массе глиняной посуды значительно повышается процент лепной и сероглиняной гончарной, сделанной из местной глины. Посуда заморского производства представлена одиночными фрагментами краснолаковых сосудов, среди которых пока что один, украшенный рельефным орнаментом. Количество обломков амфор, сравнительно с ранними этапами, ничтожно. В одном 15-сантиметровом пласте на одном квадрате обычно находили 10—20 амфорных фрагментов.

В пластах, датируемых последними двумя столетиями до н. э. и первыми столетиями н. э., некоторые виды посуды заморского производства, обычные среди керамических находок античных городов Северного Причерноморья, полностью отсутствуют. За пять лет археологических раскопок не найдено ни одного обломка мегарских кубков. Количество находок двухствольных амфорных ручек за это время не превышает десятка. Незначительное количество обломков пифосов, найденное на городище, в том числе и в верхних пластах, можно объяснить традицией сохранения зерна в ямах. Монеты в пластах, определяемых двумя последними столетиями до н. э. и началом н. э., раскопками не найдены, хотя они известны среди случайных находок.

Разрушение поселения в конце III ст. либо в начале II ст. до н. э. нельзя связывать с передвижением сарматов на запад, в этих местах это событие происходило позже. Вероятно, его разрушили галаты, которые, как видно из декрета в честь Протогена, около этого времени доходили до Ольвии, то есть до Днепро-Бугского лимана. Это предположение косвенно подтверждается и тем, что около этого времени лепная глиняная посуда с чертами гетофракийского облика распространяется до Нижнего Днепра включительно. Возможно, распространение в Днестро-Бугском Причерноморье в это время обычая погребения детей в жилых помещениях также связано с передвижением гетофракийских племен к востоку до берегов Днепра и оседанию их части в этих местах³⁴.

Греческое укрепленное поселение, возникшее на восточном берегу Днестровского лимана в VI в. до н. э., являлось скорее всего колонией г. Истрии. Это предположение подтверждается не только обилием истрийских монет, найденных раскопками на городище, но и в какой-то степени характером греческой привозной керамики. Большое количество монет, обломков керамической тары, находки складов последней дают основания утверждать, что до половины IV в. до н. э. в экономической жизни населения городка ведущее место занимала транзитная торговля. Городок являлся связывающим звеном между г. Истрией и племенами, обитавшими восточнее Нижнего Днестра. В IV—III вв. до н. э. связи с Истрией ослабевают, хотя в экономической жизни обитателей теперь уже открытого поселения торговля еще занимает видное место. Сказанное подтверждается большим количеством глиняной тары, среди которой много и клейменной. По составу клейменной тары поселение у с. Роксоланы на этом этапе напоминает поселение в Лузановке.

³⁴ М. С. Синецины. Погребальные обряды племен Днестро-Бугского Причерноморья в скифо-сарматское время. МАСП, вып. 4, стр. 48—49.

В конце III либо в начале II в. до н. э. поселение возле с. Роксоланы теряет связь с Истрией. Возможно, это произошло в результате полного разорения поселения, после которого оно возрождалось чрезвычайно медленно. Возможно, потерю связи нашего поселения с Истрией можно объяснить и тем, что сама Истрия переживала эпоху своего упадка.

Земледелие, игравшее первостепенную роль в жизни сначала укрепленного, а потом открытого поселения, на последнем этапе его существования являлось основным занятием жителей поселения. Некоторый подъем благосостояния его обитателей, заметный на грани н. э. и в I—II вв. н. э., судя по находкам, не является принципиально отличным от начального периода последнего этапа в экономической жизни поселенцев.

О прекращении жизни на поселении что либо определенное сказать нельзя. Верхние пласты совершенно разрушены. Находки в этих перемешанных пластах, которые можно было отнести к III—IV вв. н. э., количественно незначительные, а поэтому можно предположить, что оно постепенно запустевало. Возможно, окончательное его запустение связано с великим переселением народов.

ЛЕПНАЯ ПОСУДА

В. И. Кузьменко, М. С. Синицын

В 1957—1961 гг. на городище возле с. Роксоланы, наряду с многочисленными обломками и целой посудой явно греческого производства и посудой не греческой, сделанной на гончарном круге, было найдено значительное количество обломков и целых лепных сосудов. Последний вид посуды представляет значительный интерес как материал, в какой-то мере проливающий свет на количественное значение коренного элемента в массе населения, обитавшего в этом древнем городке. Хотя, вероятно, лепной посудой пользовалось не только коренное население, но и греки, обитавшие здесь, и, возможно, что и те и другие изготавливали ее, но для греков этот вид посуды не был основным.

Среди лепной посуды попадались экземпляры, воспроизводившие формы античных сосудов. Отдельные сосуды хотя и сформированы по античным образцам, однако орнаментированы под влиянием местных традиций. Здесь же встречались лепные сосуды, по форме связанные только с местными традициями, в украшении которых античные элементы играли первостепенную роль. Но основная масса лепной посуды, найденной на городище, ничего общего с греческими формами и орнаментами не имела. Этот основной вид лепной посуды своими формами и орнаментами проливает некоторый свет на отношения между обитателями нашего края доколониационной поры и племенами Северо-Западного Причерноморья эпохи греческой колонизации.

В Одесском археологическом музее, в Николаевском и Херсонском областных краеведческих музеях собраны значительные коллекции лепной глиняной посуды, производства коренного населения нашего края. Многочисленные образцы ее хранятся в фондах Института археологии Академии наук УССР и Киевского исторического музея, а также в музеях Москвы и Ленинграда. Но все эти материалы происходят из поселений и городищ (исключая древние города Ольвию и Тиру), существовавших на протяжении двух-трех столетий, а поэтому на них можно изучать лепную глиняную посуду только за сравнительно небольшие отрезки времени. Из городища же возле с. Роксоланы ее можно изучать за целое тысячелетие, то есть на протяжении всей эпохи существования античных колоний в Северо-Западном Причерноморье.

Процент лепной глиняной посуды на нашем городище в различных его пластах был не одинаков. Немногочисленной она была в пластах, относимых, на основании греческого привозного материала, к VI и V вв. до н. э. Более значительное ее количество находили в пластах, датируемых античным материалом IV и III вв. до н. э. Многочисленные образцы лепной глиняной посуды найдены в пластах, относимых к грани и началу н. э. В пластах же, определяемых концом III и началом II в. до н. э., находки ее, а так же и греческой, были ничтожными.

Лепная посуда, найденная раскопками на городище, в основном изготовлена из серой, реже — желтой глины, в которой отчетливо, даже без лупы, заметны кусочки толченого известняка либо гравия и часто измельченных черепков хорошего обжига, черепки в изломе слоистые. Наружные слои стенок, днищ сосудов сравнительно с внутренними, как правило, обжигались лучше.

Встречались отдельные сосуды этого вида сильного и совсем слабого обжига. Поверхность стенок лепных сосудов самая различная, но во всех случаях покрыта обмазкой — глиной тонкого отмула. На поверхности стенок некоторых сосудов отчетливо видны следы заглаживания щеткой из травы. В большинстве же случаев поверхность стенок заглажена дощечкой, либо рукой мастера. Из-под обмазки выступает грубое тесто сосудов и поверхность их, как правило, шероховатая. Встречались обломки и целые лепные сосуды с хорошо залощенной внешней поверхностью: они были изготовлены из сравнительно однородной и тонкой массы.

Лепные сосуды различались не только по составу теста и технике обработки поверхности, но и по профилировке, орнаменту, формам ручек, которые на протяжении существования городища, хотя и чрезвычайно медленно, эволюционировали.

Постараемся описать отдельные части и целые сосуды группами в зависимости от глубин их залегания. Для удобства изложения посуду, обнаруженную в многочисленных ямах, будем описывать вместе с посудой, найденной в пластах, в которых намечено явное пятно, хотя это и может внести некоторые нарушения в датировку. Нарушения в датировку отдельных предметов при описании их по пластам залегания может внести и то, что мощность культурного слоя не везде одинакова. Но, взяв в основу значительную мощность пласта (0,5 м), мы даем упрощенную схему хронологии отдельных предметов и допускаем ее колебания в границах двух столетий. Это позволяет пренебречь мелкими погрешностями в датировках отдельных лепных обломков сосудов и целых вещей, которые могут возникнуть в результате несвоевременной фиксации ямных пятен и колебаний мощности культурного слоя.

Кроме отмеченных отрицательных, в предлагаемой схеме описания лепной посуды имеется одна весьма положительная сторона. Эта схема, в которой пласты датируются сравнительно хорошо изученным привозным греческим материалом, позволяет объединить значительные раскопанные площади и получить многочисленный материал. В настоящее время на городище раскопано более 1000 кв. метров. Собранные на этой площади, на различной глубине, многочисленные образцы вселяют некоторую уверенность, что пропуски в каждом из наших полуметровых пластов каких-то видов лепной глиняной посуды будут незначительными.

К древнейшему периоду существования изучаемого городища (к VI и V вв. до н. э.) нами отнесены сосуды, найденные в пластах, залегающих на глубине 2,5 м; пласты, залегающие на глубине 2,50—2 м от современной поверхности, определены IV и III вв. до н. э. Образцы лепной глиняной посуды, найденные в пластах на глубине 2—1,5 м от поверхности, отнесены к II и I вв. до н. э. К I и II вв. н. э. отнесена посуда, найденная на глубине 1,5—1 м от дневной поверхности, и к III—IV вв. н. э. посуда либо ее обломки, обнаруженные в самом верхнем пласте (до 1 м от поверхности).

В пластах, залегающих на глубине 2,5 м и больше от современной поверхности, целых лепных сосудов не найдено.

Редко встречались и донышки плоские и различной величины. Лепная посуда в этих пластах представлена главным образом обломками стенок. Подавляющее большинство, очевидно, принадлежало сосудам средней величины. Донья от стенок во всех случаях четко отграничены, стенки от донышек отходят под большим или меньшим тупым углом. Минимальный тупой угол, естественно, был у сосудов баночной формы, описанных в специальной работе¹. Основная масса лепной посуды, найденной в этих пластах, была сильно и мягко профилирована. Сосуды различались не только по силе профилировки, но и по степени ее сложности.

¹ В. И. Кузьменко. Баночная посуда междуречья Буга и Днестра по материалам Одесского археологического музея. МАСП, вып. 4, 1962, стр. 207, рис. 2.